

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПРАВорадикальные партии
и организации
в политическом ландшафте
восточной Европы**

Специализированная информация

**МОСКВА
2020**

ББК 66.68(45)
П 68

Серия
**«Проблемы общественной трансформации
в странах Восточной Европы и России»**

**Центр научно-информационных исследований
глобальных и региональных проблем**

Отдел Европы и Америки
Сектор Восточной Европы

Ответственный редактор – канд. филол. наук *Т.Г. Биткова*

П 68 Праворадикальные партии и организации в политическом ландшафте Восточной Европы : Специализированная информация / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал и регион. пробл. Отд. Европы и Америки; отв. ред. – Биткова Т.Г. – М., 2020. – 64 с. (Сер.: Пробл. обществ. трансформации в странах Вост. Европы и России).
ISBN 978-5-248-00978-7

Рассматриваются особенности праворадикальных формирований в странах Восточной Европы, их политические платформы, связь с государственной политикой, эволюция и место на политической сцене отдельных стран, а также в контексте общеевропейских процессов и взаимоотношений с Россией.

The features of right-wing radical formations in the countries of Eastern Europe, their political platforms, connection with state policy, evolution and place on the political scene of individual countries, as well as in the context of general European processes and relations with Russia are considered.

ББК 66.68(45)

ISBN 978-5-248-00978-7

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Шанишьева Л.Н.</i> Правый радикализм: Общее и особенное	6
<i>Щербакова Ю.А.</i> «Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия»	10
<i>Биткова Т.Г.</i> Партия «Великая Румыния» и эволюция ее политической платформы	15
<i>Калоева Е.Б.</i> Правые в Хорватии: Прошлое и настоящее	23
<i>Стыкалин А.С.</i> Еще раз о правом дискурсе в сегодняшней венгерской политике исторической памяти	30
<i>Дырина А.Ф.</i> Характер деятельности праворадикальных движений и партий в Латвии и Литве	38
<i>Белинский А.В.</i> «Альтернатива для Германии» на Востоке ФРГ. Формула успеха правых популистов	44
<i>Князева С.Е.</i> Феноменология нового популизма в контексте усиления популистских движений в Юго-Восточной Европе XXI в.	48
<i>Романенко С.А.</i> Популизм, радикализм, этнический национализм: Явления и понятия	57

ВВЕДЕНИЕ

Краткие аналитические материалы, представленные в Специализированной информации, в целом отражают содержание выступлений и дискуссий на круглом столе «Праворадикальные партии и организации в политическом ландшафте Восточной Европы», который был проведен сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки 16 октября 2020 г. Вместе с тем они продолжают и актуализируют тему, уже рассматривавшуюся в таких изданиях ИНИОН, как:

– Европеизм и национализм в странах Восточной Европы : Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.; отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М., 2014. – 126 с.

– Восточная Европа : Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. Игрицкий Ю.И., Шаншиева Л.Н. – М., 2016. – 167 с.

– Правый радикализм в Восточной Европе : Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; отв. ред. Шаншиева Л.Н. – М., 2018. – 220 с.

Круглый стол, проведенный в формате Zoom¹, к сожалению, не смог охватить все страны региона и все проблемы, связанные с правым радикализмом. Тем не менее было, на наш взгляд, интересно и своевременно обсудить эту тему в целом и в частности, учитывая сложные процессы, которые сегодня протекают как в бывших странах социалистического лагеря, так и в бывших республиках СССР. Абсолютно уместным и логичным оказалось привлечение к обсуждению материалов по правому радикализму в Восточной Германии, особенности которого во многом обусловлены недавним социалистическим прошлым этой части ФРГ.

Как известно, после вступления ряда восточноевропейских стран в Евросоюз их правые радикалы получили возможность

¹ Организацию и техническую поддержку формата осуществил В.Н. Бабенко.

более активно сотрудничать со своими единомышленниками из Франции, Италии, Бельгии, Австрии и других стран. Анализ общего и особенного в правом радикализме (и тесно связанном с ним популизме) в западной и восточной частях Европы высветил отдельную грань этой общей проблемы. Были затронуты также общетеоретические и общеметодологические аспекты правого радикализма и популизма.

На фоне конкретики, представленной материалами о Венгрии, Румынии, Словакии, странах Балтии, о Хорватии, а также частично других государствах Юго-Восточной Европы, очевидно выявились некоторые общие линии в эволюции ряда праворадикальных партий этих стран.

Учитывая сложившуюся в мире конфронтацию, российскому экспертному сообществу небезынтересны события и тенденции в политической жизни стран ближнего зарубежья и государств, в недавнем прошлом находившихся в зоне влияния Москвы. Предлагаемая работа вносит свой вклад в заполнение лакун, которые еще существуют в общей картине столь важного и развивающегося явления, как правый радикализм на политической сцене стран Восточной Европы. Ставший неотъемлемой частью политической конфигурации стран этого региона, правый радикализм влияет на формирование общественного мнения и государственную политику наших ближайших соседей, имеющих непростые отношения с Россией.

Сама инициатива и заинтересованность участников, а также актуальность задачи позволяют надеяться, что со временем удастся продолжить, углубить и разнообразить исследование этой темы, а также расширить зону географического охвата такого анализа, который, несомненно, должен включить и такие страны, как Польша, Болгария, Молдова и Украина.

Л.Н. Шаншиева

**ПРАВЫЙ РАДИКАЛИЗМ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Обращение к теме правого радикализма в Восточной Европе не случайно. Как известно, мобилизация праворадикальных партий и движений происходит в переломные моменты общественного развития. Рост числа и активности такого рода организаций можно было наблюдать в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда происходила смена политических систем в социалистических странах Европы, положившая начало длительной общественной и экономической трансформации.

Следующий период активизации радикальных настроений в «новой Европе» был связан со сложностями евроинтеграции, адаптации к правилам и нормам Европейского союза. При этом не последнюю роль в росте правого радикализма в новых странах – членах ЕС сыграла наступательная политика Запада в восточном направлении. Итоги евроинтеграции вызывали и вызывают разочарование у населения большинства стран региона, усиливают настроения *евроскептицизма*, главными выразителями которого являются правые политики.

Экономический и социальный кризисы середины 2000-х годов также усилили «поправение» политических настроений. В последние пять лет заметное усиление правого радикализма в Восточно-Европейском регионе происходило под влиянием известных событий на Украине 2014–2015 гг. и общеевропейского миграционного кризиса в 2015 г.

Попытки исследования правого радикализма на теоретических основах привели большинство ученых к выводу о том, что это несамостоятельное идеологическое течение, основывающееся на определенной концепции. Поэтому в научной литературе можно

встретить множество определений правого радикализма, соответствующих конкретным особенностям исторического, политического и социокультурного развития той или иной страны.

Авторитетные немецкие исследователи Т. Байхельт и М. Минкенберг пришли к убеждению, что «правый радикализм – это политическая идеология, состоящая, по сути, из мифа в форме популистского и романтического ультранационализма» [Beichelt, Minkenberg., 2002, S. 249]. А национальный миф всегда характеризуется тем, что «принадлежность к нации определяется радикализированными этническими, религиозными, языковыми, культурными и политическими критериями». Анализируя практику праворадикальных движений в странах Восточной Европы, они выделили четыре типа таковых: 1) автократическо-фашистский; 2) расистский и этноцентристский; 3) популистско-авторитарный; 4) религиозно-фундаменталистский [там же].

Другие исследователи также подчеркивают, что «идеология современных праворадикалов достаточно расплывчата и неконкретна. Это смесь политического изоляционизма, протекционизма, расизма, белого национализма, антисемитизма и популизма» [Современные..., 2018, с. 18].

При этом, несмотря на имеющиеся различия, все праворадикальные организации и движения имеют одну главную общую черту – они объединены поиском внутренней однородности нации посредством выделения группы «своих». Это могут быть небольшие группы, но, как правило, более радикально настроенные, чем какая-либо серьезная организация праворадикального толка. Как правило, все они находятся на периферии политического спектра, но время от времени могут примыкать к другим партиям и движениям. Характерно, что некоторые объединения этого направления конструируют свою общность не на основе идей «за», а на лозунгах «против». Ярким примером этому служит русофобская идеология современных украинских националистов. «Вместе с тем направленность праворадикального идеала в прошлое, а не в будущее, его явно мифологический, иррациональный характер, сближает правых радикалов с консерваторами» [Поцелуев., 2014, с. 75].

Одной общей чертой правого радикализма является *абсолютизация особенного*, использование в деятельности организаций этого рода разных категорий особенного, к примеру, такого понятия, как *национальный характер*. Конкретное проявление этой особенности в разных странах тесно связано со степенью зрелости национальной идентичности проживающих там народов. Желание

восточных европейцев в современных условиях сохранить свой суверенитет и национальную идентичность приводит зачастую к обострению межгосударственных отношений внутри Евросоюза, что придает дополнительный импульс мобилизации праворадикальных сил. Причиной могут служить сложные взаимоотношения этнических меньшинств в таких странах, как Венгрия, Румыния, Словакия. Кроме того, в регионе существует проблема разделенных народов, что также является потенциальным источником внутренних противоречий и конфликтов, т.е. питательной средой для праворадикальных настроений. Проблема взаимоотношений в плоскости «свой – чужой» особенно наглядно проявляется в межэтнических отношениях не только в рамках одного государства, но и в межгосударственных отношениях¹.

Участники международного проекта по изучению современного правого радикализма отмечали в своем итоговом докладе: «В современной Европе существуют объективные предпосылки для популярности и роста влияния праворадикальных партий. К ним относятся: формирование социальной базы из числа образованной части общества, пострадавшей от последствий глобализации; наличие особенностей европейской конституционной традиции, ведущих к отказу от признания не только прав, но и самого наличия этнических меньшинств; наличие нарастающих противоречий между демократическими ценностями и политическими интересами правящих элит» [Современные..., 2018, с. 52].

В каждой конкретной стране имеются специфические особенности их проявления. Исследователи объясняют это присутствием такого фактора, как «ситуативные структуры» (*Gelegenheitsstrukturen*) [Beichelt..., 2002]. Они либо нивелируют возможные причины роста радикализма, либо формируют потенциал готовности его появления. К тому же большое значение имеют особенности исторического развития, традиции и т.п.

Например, в Польше на правом фланге политического спектра существуют организации, основанные на двух идеологических традициях, идущих от видных политических деятелей первой половины XX в. – Юзефа Пилсудского и Романа Дмовского. Радикальное расхождение их последователей в оценке значимых решений польского государства в разные периоды истории служит и сегодня почвой для

¹ Подробнее об этом см.: Восточная Европа : Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в.: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН.; отв. ред. Игрицкий Ю.И. – М., 2016. – 167 с.

конфликтов и разногласий. «Из этих двух традиций именно последователей Дмовского (“национальных демократов”, “эндеков” или “народовцев”) принято считать польскими националистами. Однако спектр умонастроений в националистической среде гораздо шире... Существуют также значительные расхождения между умеренными националистами и радикалами, сторонниками демократии или “смешанной системы”, настроенными антиреволюционно или за совершение “национальной революции”, апеллирующих к католической церкви или к язычеству, а также между собственно националистами и движениями более близкими к нацизму». Это обуславливает «дробный характер польского националистического спектра, наличие многочисленных небольших организаций с довольно конфликтными отношениями друг с другом» [Неменский, 2018, с. 24].

Отличительные особенности можно наблюдать в праворадикальных движениях и других стран. Поэтому при анализе современного радикализма исследователям важно учитывать как специфику Восточно-Европейского региона в целом, так и особенности национально-государственного развития отдельных стран в их историческом контексте.

Список литературы

- Неменский О.Б. Крайне правые в современной Польше // Правый радикализм в Восточной Европе. – М., 2018. – С. 22–81.
- Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм : Проблема идентификации признаков // Политическая концептология. – 2014. – № 3. – С. 70–90. – Режим доступа: <http://politconcept.sfedu.ru/2014.3/06.pdf> (дата обращения – 24.10.2020).
- Современные ультраправые. Правый радикализм в Европе : идеология, социальная база, перспективы : доклад / гл. ред. и рук. проекта Энгель В. – Амстердам ; Афины ; Будапешт, 2018. – 55 с. – Режим доступа: https://www.ru.civication.org/obshcheevropeyskiy-doklad/contemporary_radicalism_rus.pdf (дата обращения – 24.10.2020).
- Beichelt T., Minkenberg M. Rechtsradikalismus in Transformationsgesellschaften. Entstehungsbedingungen und Erklärungsmodell // Osteuropa. – Stuttgart, 2002. – N 3. – S. 247–262.
- Minkenberg M. Pattern, Process, Policies : Conceptualizing Radical Right Impact // Paper for ECPR General Conference. – Montreal, 2015. – P. 1–26. – Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/37f31939-2ecb-4a71-9026-928ef890c1ed.pdf> (accessed – 2.24.2020).

Ю.А. Щербакова
**«КОТЛЕБОВЦЫ – НАРОДНАЯ ПАРТИЯ
НАША СЛОВАКИЯ»**

В настоящее время главным игроком на праворадикальном фланге словацкой политической сцены является «Народная партия – Наша Словакия». Другое ее название – «Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия» (далее «Котлебовцы»). Партия была создана в 2009 г. ультраправым политиком неонацистского толка Марианом Котлебой (Marian Kotleba), который в недалеком прошлом носил форму, напоминающую форму организации «Глинкова гвардия», устраивавшей облавы на евреев в годы существования в Словакии нацистского марионеточного государства 1939–1945 гг. Она является политической организацией, которая составляет ядро экстремистских сил и позиционирует себя как правопреемница Глинковой словацкой народной партии времен Первой Словацкой республики¹. Сегодня ее приверженцы организуют массовые политические кампании: антицыганского, антииммигрантского, антиисламского характера, апеллируя к защите словацкой национальной идентичности и традиционных христианских ценностей.

На парламентских выборах в 2016 г. партия набрала 8,04% и впервые вошла в парламент, получив 14 мандатов в Национальном совете Словацкой Республики. На выборах в Национальный совет в 2010 и 2012 гг. партия получала каждый раз голоса около 40 тыс. избирателей.

«Народная партия – Наша Словакия» возникла на платформе другой словацкой праворадикальной партии – «Словацкое единство». На протяжении более чем двух десятилетий оно являлось

¹ Глинкова словацкая народная партия – клерикально-националистическая словацкая партия, существовавшая в 1906–1945 гг. – *Прим. ред.*

символом словацкого правого экстремизма и во многом способствовало формированию его нынешнего образа.

Для того чтобы успешно пройти регистрацию в качестве политической партии в Министерстве внутренних дел, «Народная партия – Наша Словакия» использовала фиктивное объединение с Партией любителей вина и, утвердившись в качестве политической организации, приняла участие в словацких парламентских выборах 2010, 2012, 2016 гг.

Хотя в первых двух выборных кампаниях партия показала результаты, намного превосходившие достижения других ультра-националистических субъектов, однако они не были достаточными для получения места в парламенте: 2010 г. – 1,33%; 2012 г. – 1,58%. И только результаты 2016 г. позволили партии, преодолев 5%-ный барьер, войти в словацкий парламент.

Важную роль, с точки зрения реализации политических амбиций партии, сыграло избрание его руководителя М. Котлебы в 2013 г. губернатором Баньско-Быстрицкого края. Во втором круге региональных выборов он обошел представителя правящей партии «Направление – социал-демократия», евродепутата Владимира Манько, набрав на 45 тыс. голосов больше, чем в первом туре.

«Народная партия – Наша Словакия» позиционирует себя как партия «народная, социальная, христианская», и в этом она не оригинальна. Многие политические партии и политики радикального, националистического толка не только в Словакии, но и в мире утверждают, что их политическая программа основывается на этих трех принципах.

В случае с «Котлебовцами» речь идет о радикальном этническом национализме, экономическом протекционизме, социальном шовинизме и неолюдацкой¹ версии политического католицизма, опирающейся на наследие словацкого государства периода Второй мировой войны [Mesežnikov..., s. 22].

Как показывают результаты социологических опросов, словаки ориентированы на материальные аспекты членства в ЕС и не хотят принимать во внимание другие, прежде всего, ценностные стороны этого членства. Содержащаяся в программе партии Котлебы критика как раз направлена против них. Программа партии составлена в доступной форме и предлагает простые и привлекательные для широких слоев населения способы решения проблем, волнующих общество.

¹ Неолюдацкая идеология – современная интерпретация клерофашистских взглядов. От «люди» (lud – народ). – *Прим. авт.*

Неотъемлемой частью взглядов представителей партии Котлебы и в целом словацких правых является конспирологическое восприятие действительности. Их пропагандистские и публицистические выступления полны рассуждений о тайных механизмах, с помощью которых различные группы пытаются установить свое господство в мире и в Словакии, поработить или ликвидировать народы, в том числе и словаков. Прежде всего это «евробюрократы» и ЕС в целом, евреи, сионисты, масоны, американцы, Государство Израиль, агенты «либерального Запада», которые вредят Словакии и словакам. Общим для всех этих рассуждений является представление, что развитие Словакии после 1989 г. определяется тайными механизмами чуждого влияния [Mesežnikov..., s. 23].

Европейский союз, США, НАТО, евреи, Израиль и сионизм, миграция являются ключевыми темами в программе партии.

Позиции партии во внешней политике отличают фобия Евросоюза, антиамериканизм, пророссийская ориентация. Представители этой политической организации используют любой повод, чтобы выступить с критикой Европейского союза и НАТО, с осуждением словацкого членства в этих организациях. Однако в 2014 г. «Котлебовцы» приняли участие в выборах в Европейский парламент, обозначив в качестве своей главной цели «освобождение Словакии от брюссельского диктата и возрождение независимости и суверенитета Словацкой Республики» [Mesežnikov..., s. 24].

«Котлебовцы» используют антицыганские настроения, существующие в обществе, и возникающие на их почве конфликты для того, чтобы подчеркнуть, что партия имеет простые решения «цыганского вопроса». М. Котлеба заявил, что деньги, которые получит партия за участие в выборах, она потратит на организацию и обучение отрядов самообороны, создаваемых в местах компактного проживания цыган и призванных бороться с «цыганским беспределом». Партия обвиняет государство в том, что проводимая им социальная политика позволяет цыганским семьям использовать рождение детей в качестве средства для повышения собственного благосостояния. «Цыганский вопрос» используется партией также в качестве инструмента привлечения на свою сторону избирателей.

Секрет притягательности партии кроется еще и в том, что она положительно оценивает словацкое государство 1939–1945 гг. и считает его образцом независимой словацкой государственности, отрицая его марионеточный, фашистский характер, однако указывая и на то, что оно было авторитарным. Пропагандируемые

«Котлебовцами» антисемитские взгляды, опираются на людацкую идеологию межвоенной Словакии.

Важное место в программных внешнеполитических установках партии занимает критика сионизма и Израиля. В них сионизм приравнивается к тоталитарным идеологиям.

Свое отрицательное отношение к мигрантам «Котлебовцы» объясняют стремлением «сохранить Европу европейской и христианской». В период обострения миграционного кризиса в 2015–2016 гг. они обвиняли ЕС в стремлении изменить сам характер Европы и нанести вред малым европейским народам.

Как отмечали словацкие аналитики, «содержание программы партии “Котлебовцы – Народная партия Наша Словакия”, персональный состав ее руководства, уровень профессионализма, послевыборная активность свидетельствуют, что этот политический субъект не намерен следовать стандартным способам реализации политических решений, а является силой, ориентированной на упразднение существующей политической системы..., не существует предпосылок, чтобы современные “Котлебовцы” интегрировались в существующую демократическую систему и стали ее частью». Ее дальнейшее существование представлялось авторам возможным «в качестве внесистемного субъекта» [Mesežnikov..., s. 29].

Тем не менее, приняв участие в выборах в Европарламент в мае 2019, партия набрала 12,07% голосов и получила два места [Выборы..., 2019]. У нее были все основания, о чем свидетельствовали данные социологических опросов, закрепить свой успех на словацких парламентских выборах в феврале 2020 г. Поддержка словацкого общества, особенно молодежи, на уровне 12–13% позволила бы ей пройти в парламент с третьим результатом. Но этого не произошло.

В ходе избирательной кампании большинство словацких партий критиковали ее, а некоторые политики называли «фашистской». Консолидированная позиция игнорирования «Котлебовцев» субъектами словацкой политической сцены, массированная антикотлебовская пропаганда ослабили ее популярность, вследствие чего партия практически повторила свой результат 2016 г. и получила на выборах 7,97% голосов избирателей [Výsledky..., 2020].

Тот факт, что националистические праворадикальные партии являются реальной частью политической системы Словакии, является результатом влияния различных факторов. К ним относятся проблемы, связанные с общим развитием словацкого общества в последние десятилетия, с тем, каким образом население Словакии

воспринимает социально-экономические последствия реформ, осуществленных в стране за последние годы как в целом, так и в отдельных регионах, как оценивает эффективность исполнительной власти и способность руководящей политической элиты решать общественные проблемы, а также преобладающие образцы ценностной ориентации и типы политической культуры населения (авторитаризм, патернализм, ксенофобия). У индивидов, которые по различным причинам не сумели приспособиться к новым социальным условиям после падения коммунистического режима и введения рыночной экономики, предлагаемые экстремистскими и праворадикальными политиками простые и быстрые решения проблем вызывают симпатию и поддержку. Свою роль играют и такие факторы, как идеологическое наследие коллаборационистского фашистского словацкого государства периода Второй мировой войны.

Список литературы

- Выборы в Европейский парламент (2019). – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_\(2019\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Выборы_в_Европейский_парламент_(2019)) (дата обращения: 18.10.2020).
- Mesežnikov G., Gyárfášová O. Súčasný pravicový extrémizmus a ultranacionalizmus na Slovensku: Stav, trendy, podpora. – Br., 2016–52 s.. – Mode of access: http://www.ivo.sk/buxus/docs//publikacie/subory/Sucasny_pravicovy_extremizmus_IVO.pdf. (дата обращения: 18.10.2020).
- Výsledky parlamentných volieb 2020 // SME. – 2020. – 27.10. – Mode of access: <https://volby.sme.sk/parlamentne-volby/2020/vysledky> (дата обращения: 18.10.2020).

Т.Г. Биткова

ПАРТИЯ «ВЕЛИКАЯ РУМЫНИЯ» И ЭВОЛЮЦИЯ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

Румынские граждане дорого заплатили в декабре 1989 г. за то, чтобы покончить с авторитарным национал-коммунистическим режимом. Уже в начале 1990-х в стране возникают новые политические формирования, в том числе многочисленные националистические организации. Наиболее заметной из них стала партия «Великая Румыния» (ПВР), которая на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов играла заметную роль в формировании политической конфигурации румынского общества.

Название партии имеет для румын символическое значение. Именно так обычно называют Румынию межвоенного периода, когда страна получила обширные территории: Бессарабию, а также земли, ранее принадлежавшие Австро-Венгрии. Часть из них она утратила после Второй мировой войны.

В Программе партии говорится о ее общедемократической, а также национальной направленности: «Партия “Великая Румыния” – левоцентристская партия с национальной ориентацией, она выступает за плюрализм в политической жизни и стремится восстановить отношения в обществе на принципах верховенства закона, конституционной демократии и социальной справедливости», но тут же заявляется и о внешнеполитических амбициях, о том, что, «как и следует из названия, партия “Великая Румыния” выступает за мирное построение Великой Румынии в ее исторических границах» [Statutul...].

Квалификация партии в сегменте «левая-правая» несколько неопределенна. Одни аналитики, как и сами приверженцы, называют ее левоцентристской, имея в виду декларации о социальной

справедливости и борьбе с бедностью, другие считают крайне правой ввиду ее националистически-консервативной идеологии.

ПВР была создана 20 июня 1991 г. по инициативе группы редакторов еженедельника «Великая Румыния». Зарубежные исследователи, обращая внимание на лозунги в текущей политике, называют партию экстремистской или близкой по духу к экстремистским организациям: «ПВР поддерживается в Румынии широким кругом расистских экстремистских организаций, в том числе Лигой маршала Антонеску» [Mudde, 2005, p. 167]. Сама же партия заявляет о своей христианско-демократической направленности. В эмблеме партии присутствует христианский крест.

В реальности смысл деятельности ПВР состоит в распространении идеи о возврате страны к границам до 1940 г., а также в отторжении и неприятии всех нацменьшинств, населяющих Румынию. В первую очередь речь идет о венгерской диаспоре, заселяющей исторический регион Трансильвания, входивший до Первой мировой войны в состав Австро-Венгрии.

Суть политической активности венгров, представленных в румынской политике преимущественно парламентской партией Демократический союз венгров Румынии, состоит в том, чтобы добиться федерализации Румынии и выделиться в отдельную административную единицу, что для румын, но в первую очередь для националистов, подозрительно и абсолютно неприемлемо. «Этническая венгерская община в Румынии является главной целью ПВР, ее враждебных высказываний и разжигания страха. ПВР обвиняет венгерскую общину в продвижении плана отделения Трансильвании при сотрудничестве (или, по крайней мере, при попустительстве) румынских властей» [Cinproes, 2012, p. 5]. Действительно, ПВР неоднократно призывала объявить вне закона партию Демократический союз венгров Румынии, прочно встроенную в политический ландшафт страны, и называла ее «террористической организацией».

Однако, несмотря на крайности в высказываниях представителей ПВР, ни к террористическим актам, ни к какому бы то ни было конкретному насилию ее лидеры прямо не призывали и не призывают, а также не заявляли о своем участии в актах надругательства или погромах.

ПВР была создана и развивалась как партия одного лидера – Корнелиу Вадима Тудора (1949–2015). До 1989 г. Тудор был известным журналистом и беллетристом, а также слыл придворным поэтом четы Чаушеску. После падения режима он активно вклю-

чился в политику, выражая крайне националистические взгляды. Тудор славился невероятным красноречием, но язык его не имел ничего общего с привычной политической лексикой из-за скандальных крайностей и оскорбительного тона деклараций. Яростная ненависть Тудора к нацменьшинствам, в особенности к венграм, была просто притчей во языцех и столь художественно представлена, что в общественной и повседневной жизни румын стала предметом многочисленных анекдотов.

Тудор был человеком, без сомнения, очень талантливым, к тому же ему удалось собрать команду, которая долгое время играла не последнюю роль в политической жизни страны, принимая участие в парламентских и местных выборах. До 2008 г. она постоянно была представлена как в нижней палате парламента, так и в сенате.

За время своей политической карьеры Корнелиу Вадим Тудор был и сенатором, и европарламентарием, но наивысшей точкой стало его выдвижение в 2000 г. на пост президента Румынии и выход во второй тур президентских выборов. Его успех сопровождался и успехом ПВР.

На парламентских выборах 2000 г. партия «Великая Румыния» оказалась самой сильной оппозиционной партией, получив около 20% голосов избирателей. Если в 1992 г. число депутатов парламента от ПВР составляло 22 человека, то в 2000 г. – 121 человек (84 человека в Палате депутатов).

В предвыборной кампании Тудор, выражая основные программные идеи своей партии, открыто апеллировал к антироссийским, антивенгерским, антицыганским и антисемитским настроениям, но главным лозунгом было включение Бессарабии в состав Румынии. Правда, кроме этого он мудро сконцентрировал свое внимание на обличении коррупции и борьбе с бедностью, что также привлекло к нему электорат. Но несмотря на ярко выраженный и талантливый популизм, Тудору все же не суждено было стать президентом.

Тем не менее это был успех потрясающий, который не увидели аналитики-прогнозисты. Ситуация, возникшая в результате парламентских и президентских выборов 2000 г., вызвала немалую озабоченность среди политической элиты и в обществе в целом. «Для некоторых результаты восхождения правых радикалов в Румынии означали протестное голосование против существующей системы, сформированной основными политическими партиями. Другие интерпретировали результат так: правые радикалы стано-

вятся альтернативой сложившихся партий, предвещая серьезный вызов, способный дестабилизировать хрупкие институты демократии» [Sum, 2010, p. 189].

Но то был, хоть и впечатляющий, но не первый успех ПВР. Партия «Великая Румыния» на протяжении 1990-х – первой половины 2000-х годов занимала столь видное место на политической сцене, что ее популярность использовалась и прозападными кругами политического истеблишмента для образования коалиций в ситуациях недостаточного количества мест в парламенте. Однако на парламентских выборах 2004 г. грандиозный успех не повторился, напротив, ПВР получила голосов в два раза меньше.

После вступления Румынии в НАТО (2004) и Евросоюз (2007) общество охватила эйфория ожидания скорого преодоления всех бед с помощью Запада. Интерес избирателей к популистским и националистическим декларациям партии «Великая Румыния» всё более угасал. По-видимому, по этой причине партия и ее «Трибун» (так называли Тудора приверженцы) начинают смягчать свою риторику. Теперь доктрину ПВР стали называть «просвещенным национализмом». Наконец, она признала, что в Румынии был Холокост, а сам Тудор перестал выступать с антисемитскими лозунгами.

В результате присоединения Румынии к Евросоюзу пять членов ПВР стали депутатами Европарламента, войдя в новообразованную фракцию «Идентичность, традиции, суверенитет» вместе со своими праворадикальными единомышленниками из Французского национального фронта и других аналогичных партий из Италии, Бельгии, Болгарии. Последнее вызвало тогда озабоченность общественного мнения на Западе. Фракция, однако, распалась уже в ноябре 2007 г. из-за выхода из нее ПВР.

На дополнительных выборах в Европарламент, состоявшихся 21 ноября, партии не удалось получить ни одного мандата. На выборах в Европарламент 2009 г. она все же получила 8,65% голосов, что дало ей три мандата, один из которых достался Тудору. Это означало, что партия все же продолжала оставаться достаточно активной политической силой.

Оценивая в тот момент место ПВР в общеевропейском контексте, Р.Е. Сум писал: «Мы замечаем, что на самом деле правые радикалы Румынии вписываются в общие очертания других праворадикальных движений в Европе. С идеологической точки зрения, сторонники румынских правых радикалов склонны к левой ориентации. Результат соответствует тому, чего и следует ожидать

от посткоммунистического государства, где партия-преемник в момент транзиции становится реформированной версией бывшей коммунистической партии» [Sum., 2010. p. 205].

На президентских выборах 2004 г. К.В. Тудор оказался на третьем месте, на выборах 2009 г. – четвертым, на выборах 2014 г. он получил лишь 3,68% голосов. На парламентских выборах 2008 г. партия «Великая Румыния» впервые не смогла преодолеть 5%-ный электоральный барьер. Неудачи повторились в 2012 и 2016 гг.

Из-за неудач на выборах внутри партии начались разлад и жесткое выяснение отношений. 2013 год был обозначен скандалом, дотоле немыслимым. На экстренном заседании Национального совета партии «Трибун» был отстранен от должности председателя, а затем лишен и членства в партии. Тудору вменялись в вину грубое и некорректное поведение, неуважительное отношение к собственным единомышленникам, неудачи во встраивании партии в общеевропейский контекст. Правда, Тудор, тогда еще и европарламентарий, обратился в суд, который постановил возратить ему прежние полномочия.

Выборы в Европарламент 2014 г. стали для ПВР очередным звеном в цепи неудач. Получив только 2,7% голосов при необходимых 5%, партия всё больше удалялась от политического мейнстрима.

В сентябре 2015 г. Корнелиу Вадим Тудор неожиданно ушел в мир иной. В последний год жизни он искал новые способы политического выживания для себя и партии. В конце 2014 г., когда президентом Румынии уже был избран Клаус Йоханнис¹, Тудор предпринял неожиданную инициативу в поисках сближения с российским политическим бомондом. Через российского посла в Бухаресте О. Мальгина он передает подарок для российского президента – книгу 1777 г. издания из собственной библиотеки «Эссе о коммерции в России» (на французском языке). В это же время он начинает публикацию статей, в которых обличает американцев в том, что они препятствуют сближению Румынии и России, ставя тем самым под удар суверенитет его страны.

Пост председателя партии после кончины Тудора занял генерал Эмиль Стрину, известный не только крайними национали-

¹ Избрание на президентский пост Клауса Йоханниса – трансильванского немца и протестанта-лютеранца – было неожиданным для многих румынских и зарубежных аналитиков, ибо известно, что значительная часть румынских граждан весьма склонна к националистическим настроениям. – *Прим. авт.*

стическими взглядами, но и мистическими увлечениями с конспирологическим уклоном. Избрание подобной странной и экстравагантной личности, хотя и на короткий срок, еще раз свидетельствовало о партийном кризисе.

Следующим, но уже временно исполняющим обязанности председателя ПВР стал старейший член партии Адриан Попеску. В интервью, которое респектабельный Попеску дал телевидению накануне парламентских выборов 2016 г., он почти исключительно говорил о социально-экономических вопросах. Даже венгров он призвал голосовать за ПВР, ибо как граждане Румынии они могут рассчитывать на поддержку партии «Великая Румыния». В мягкой форме он сетовал, что Румыния похожа на «героиню бесконечного телесериала о невзгодах», виновниками которых являются «внутренние воры и экономические разбойники», следовательно – не патриоты, а также заинтересованные силы за рубежом и их политические пособники внутри страны [Adrian Popescu., 2016]. Идеологическая часть рассуждений сводилась только к защите суверенитета страны и благу румынского народа.

11 ноября 2017 г. на пост врио председателя партии был избран бывший вице-мэр Бухареста, человек с богатым опытом административной и деловой активности Виктор Теодор Иович. Он сразу же стал выступать с программными речами о необходимости срочного возвращения партии былой популярности и авторитета, о возвращении ей статуса парламентской партии и места в Европарламенте. «Проблемы внутри партии преодолены, все те, кто хочет возрождения ПВР, пришли к выводу, что, только работая вместе и ставя интересы Румынии на первое место, ПВР снова сможет стать парламентской партией» [Volojan., 2017].

Однако в 2019 г. представители ПВР не были включены Центральной избирательной комиссией в список претендентов на выборы в Европарламент. ЦИК не утвердила представленный Иовичем и Попеску альянс ПВР с другими партиями правого толка.

Чтобы упрочить свои позиции в преддверии очередных парламентских выборов, которые состоялись 6 декабря 2020 г., партия «Великая Румыния» договорилась об альянсе с небольшой, но еще более радикальной Народной партией, но Центральная избирательная комиссия снова не утвердила альянс. Тяжелым событием для общей психологической атмосферы стала кончина 14 сентября бывшего председателя партии Адриана Попеску, который по мистическому совпадению ушел из жизни день в день спустя пять лет и так же неожиданно, как и Корнелиу Вадим Тудор.

Уже пять лет нет «Трибуна» на румынской земле, но комментаторы продолжают вспоминать его риторические «шедевры». Так, например, недавно приводилось в печати его высказывание о венграх в связи с банальным матчем футбольных команд двух стран в 2012 г.: «Они могут быть очень жестокими, потому что венгры – люди, которые не могут жить в европейской цивилизации. Мы можем им вернуться туда, откуда они пришли» [Луца., 2020].

В заключение хотелось бы заметить, что только благодаря неумной энергии Корнелиу Вадима Тудора было создано и продолжило активно жить политическое пространство под названием партия «Великая Румыния», но детище выросло, изменился общий контекст. Нарастали противоречия, в 2013 г. вылившиеся в конфликт руководящего ядра партии с председателем. Сегодня ПВР все еще не находит достойного места на политической арене Румынии.

Согласно одному из последних опросов социологической службы IMAS, ПВР может рассчитывать лишь на 2,8% электората. Возможно, был бы жив «Трибун», он сделал бы какую-нибудь перезагрузку, о чем свидетельствовали его шаги в конце 2014-го и в 2015 г. Сегодня нельзя рассматривать партию «Великая Румыния» как серьезную и сплоченную политическую силу. Ее лидеры находятся в поиске, но пока партия на перепутье. Встраиваясь в общеевропейский контекст, она постепенно отказывается от националистических крайностей, подчеркивая необходимость практической деятельности «для блага румынского народа» и пытаясь объединиться с близкими ей по духу политическими формированиями.

Список литературы

- Adrian Popescu (PRM): E ultimul dans în politică, România trăiește într-o continuă telenovelă // Agerpres. – 2016. – 08.12. – Mode of access: <https://www1.agerpres.ro/politica/2016/12/08/interviu-adrian-popescu-prm-e-ultimul-dans-in-politica-romania-traieste-intr-o-continua-telenovela-15-02-38> (accessed – 09.09.2019).
- Bolojan B. Victor Teodor Iovici, noul președinte PRM // Dcnews. – 2017. – 13.11. – Mode of access: https://www.dcnews.ro/victor-teodor-iovici-noul-pre-edinte-prm_565751.html (accessed – 10.10.2020).
- Cinpoes R. The Extreme Right in Contemporary Romania. – 2012. – October. – 12 p. – (International policy analysis / Fridrich Ebert Stiftung). – Mode of access: <http://library.fes.de/pdf-files/id-moe/09408.pdf> (accessed – 08.09.2020).

- Luca I. Asta e chiar trădarea anului în România! Fără precedent în politică. Nimeni n-ar fi crezut // Capital. – 2020. – 09.09. – Mode of access: <https://www.capital.ro/asta-e-chiar-tradarea-anului-in-romania-fara-precedent-in-politica-nimeni-n-ar-fi-crezut.html> (accessed – 10.10.2020).
- Mudde C. Racist Extremism in Central and Eastern Europe // East European Politics and Societies. – 2005. – P. 161–184. – Mode of access: https://www.academia.edu/29731721/Racist_Extremism_in_Central_and_Eastern_Europe (accessed – 09.09.2020).
- Statutul Partidului România Mare. Cu modificările aprobate la cel de-al V-lea Congres al PRM // Political Party Database Project. – Mode of access: https://www.politicalpartydb.org/wp-content/uploads/Statutes/Romania/Romania_PRM_nd.pdf (accessed – 05.09.2020).
- Sum P.E. Dreapta radicală din România la alegerile europarlamentare din 2009 // Alegerile pentru Parlamentul European. România 2009. – Sibiu, 2010. – P. 189–209.

Е.Б. Калоева

ПРАВЫЕ В ХОРВАТИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Хорошо известно, что в настоящий момент популистские партии правого толка переживают поразительный подъем едва ли не во всех странах Европы. При этом корни явления уходят значительно глубже, чем можно было бы предположить. Характерно, что почти все так называемые крайне правые подчеркивают свою связь с крайне правой традицией и ее носителями, существовавшими до или во время Второй мировой войны [Тарасенко, 2009]. Так, часть хорватских националистов считает себя последователями политика и писателя Анте Старчевича (1823–1896), чьи труды легли в основу принципов создания национального государства. При этом две крайне правые партии страны – Хорватская партия настоящих правых (ХПНП) и Хорватское либеральное движение (ХЛД) находятся в оппозиции к Хорватской партии права (ХПП), основателем которой и был Старчевич. Праворадикалы считают членов ХПП предателями из-за их умеренной позиции. Для ХПНП, основанной в 1992 г. выходцами из ХПП, характерна антикоммунистическая риторика, в том числе призывы к люстрации, а также противодействие вступлению Хорватии в ЕС и НАТО.

Крайне правые, агрессивно настроенные по отношению к хорватским сербам, поддерживают идею аннексии части территории Боснии и Герцеговины, где проживают этнические хорваты. Активисты ХПНП традиционно отмечают годовщину создания нацистского движения усташей, действовавшего во время Второй мировой войны. В рамках парламентских выборов 2007 г. лидеры партии не стеснялись публичных антисемитских заявлений. Так, ее лидер Йосип Милжак заявил, что Хорватия служит местом применения еврейского капитала, а взамен получает загрязнение окружающей среды.

Однако среди сторонников крайне правых помимо популистов есть и интеллектуальная оппозиция однополярному миру. Проекты, выдвигаемые ее представителями в Хорватии, по-своему оригинальны и интересны.

И здесь, в первую очередь, хотелось бы сказать о Юре Вуйиче – дипломате, юристе, политологе, хорватско-французском писателе и философе. Вуйич также возглавляет отделение политологии Матицы хорватской¹ и является руководителем Института геополитических и стратегических исследований в Загребе. Сфера его интересов: геополитика, геостратегия, международные отношения. Помимо статей, касающихся вопросов геополитики, социологии и философии, он – автор ряда книг. Наиболее известные из них: «Война миров: Евразийство против Атлантизма» (Загреб, 2012) и «Радикальная мысль: феноменология политического радикализма» (Загреб, 2016). Ю. Вуйич – геополитик, симпатизирующий евразийству во всех его проявлениях. В нем он видит основу для формирования альтернативной современному миропорядку геополитической концепции многополярного мира. «Задача XXI века, – пишет Вуйич, – осознанно построить пространство, которое будет общим для всех жителей и наций Европы, и создать альтернативные геополитические структуры, которые смогут стать противовесом гегемонии талассократических сил» [Вуйич, 2012]. Необходимо, как считает хорватский геополитик, научиться создавать динамические геополитические структуры, позволяющие добиться в Евразии интеграции, дифференциации и плюрализма. Вуйич также подчеркивает постоянно увеличивающуюся в сфере международных отношений роль стран с развивающейся экономикой – группы БРИКС и государств Восточной Азии, энергетика которых придаст новую перспективу евразийскому равновесию.

Заслуживает внимания позиция Вуйича относительно роли миграционного кризиса как важного фактора эскалации терроризма. Он считает, что сектантский, несущий с собой волну насилия исламистский фундаментализм, представляет собой ответ на доминирование глобальной культуры. Что же касается Европы, то параллельно с потерей культурной идентичности ей грозит потеря исконного населения. Вуйич подчеркивает, что эскалация исламского терроризма на европейском континенте в первую очередь

¹ Матица хорватская – научное и культурно-просветительское общество, созданное в 1842 г. в период хорватского национально-культурного возрождения. – *Прим. ред.*

связана с допущенными США стратегическими ошибками, особенно в Ираке и Сирии. «Запад из-за своего попустительского отношения к миграционной политике пропагандировал “культуру прощения”, которая постепенно превратилась “в культуру безнаказанности”. Борьба против исламского радикализма и терроризма предполагает фундаментальное изменение не только концепции безопасности, но и западно-центристского взгляда на Восток, ислам, а также уточнение понятия европейской идентичности» [Vujić, 2016]. Экстремизм и радикализм возникли не вчера, однако в последние годы они усилились до такой степени, что почти никто не чувствует себя в безопасности. В связи с этим особый интерес представляет книга Вуйича «Радикальная мысль: феноменология политического радикализма» [Vujić, 2016], где дается глубокий и многосторонний анализ феноменологии современного политического радикализма. Он подчеркивает, что как для правого, так и для левого радикализма характерно отрицание существующего общественного устройства – плюрализма и демократии, – а также отрицание всех (помимо собственных) политических движений, идеологий и партий, включая и тех, которые относятся к так называемым умеренным левым и умеренно правым.

Единомышленником Вуйича по многим вопросам является также бывший хорватский дипломат, советник министра иностранных дел Хорватии, член европейского движения «Новые правые» Томислав Сунич. Он критикует либерализм за его «тоталитаризм», отвергает политику мультикультурализма как утопичную и разрушающую культурные основы европейской цивилизации.

Что касается его критики идеологии прогресса, то здесь он имеет в виду, в первую очередь, критическое отношение к догме о постоянном экономическом росте. «Вера в прогресс, т.е. в лучшее завтра в принципе всегда приводит к разочарованию, что недавно продемонстрировал коммунистический эксперимент в Югославии, а сейчас либеральный, капиталистический эксперимент» [Sunić, 2014]. Сунич относится пессимистически к будущему ЕС, который считает таким же неудавшимся экспериментом, как и распавшаяся Югославию. «ЕС ожидает то же, через что прошла бывшая Югославия, только в другом варианте», – утверждает философ [там же]. По мнению Сунича, основная проблема современности – капитализм, который разоряет народы и является по сути дела более анонимным неприятелем, чем были в свое время коммунистические режимы.

Популярный католический публицист правой ориентации Марко Франчискович считает, что политический союз Хорватии с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрывают глобализация, американский протекционизм и пр. Он предлагает ориентироваться во внешней политике на Россию и Германию, предоставив последним выход к Адриатике и речной системе Дуная.

В целом хотелось бы подчеркнуть, что характер идеологии правых обусловлен объективными историческими, социально-экономическими и политическими условиями. Так, центральную проблему западноевропейские крайне правые видят в растущей иммиграции. В странах Восточной Европы, наоборот, правыми радикалами проблеме иммиграции уделяется гораздо меньшее внимание, так как Восточная Европа не так привлекательна для иммигрантов. Здешние правые отстаивают идеи необходимости территориальных изменений, присоединения тех территорий, которые, как они считают, являются исконными частями их государств. Для крайне правых, как в Хорватии, так и их единомышленников в других постсоциалистических странах, характерны евроскептицизм, негативное отношение к глобализации. Особое внимание уделяется ими вопросам национальной памяти и истории, традиционной религиозной идентичности, укреплению национального суверенитета. Следует отметить, что авторитет церкви в Восточной Европе сильнее, чем в Западной. Стремясь присоединиться к ЕС, государства Восточной Европы отчасти хотели таким образом вернуться к общим христианским ценностям и универсальным традициям, забывая о том, что Запад от них во многом уже отошел.

И все же, есть ли в Хорватии сильная крайне правая партия и можно ли вообще говорить о правом радикализме в Хорватии? На выборах в 2016 г. хорватские правые потерпели сокрушительное поражение. Первый раз в истории современной Хорватии ни одна правая партия не смогла пройти в парламент. Ни одна партия или коалиция правых не смогли получить больше 2% голосов. Официальный Загреб выразил удовлетворение тем, что в Хорватии, в отличие от других европейских стран, нет популизма и радикализма. Причины столь малой популярности правых партий, по мнению бывшего председателя молодежной секции одной из радикальных правых партий Хорватии Ф. Чирко, в программной и идейной бессодержательности, разобщенности, в надоевших лич-

ностях, их погруженности в прошлое и любви к фольклорным мотивам [Gregorović, 2017]. Тем не менее исследование, проведенное Институтом социальных исследований «Иво Пилар» (г. Загреб), показало, что среди населения много тех, кто открыто выступает за сильную правую партию. Таких, по словам Ф. Чирко, много среди молодежи. Они готовы поднять хорватских правых на должный уровень, приблизить к реальной политике и проложить путь к новой современной правой партии европейского типа.

Как считает Д. Диянович, заместитель председателя недавно основанной новой правой партии «Поколение обновления (Go!)», Хорватия уже получила современную правую партию, являющуюся альтернативой центристской (Хорватское демократическое содружество), выполнившей свою историческую миссию. Созданная партия объединяет молодых людей, выросших в независимой Хорватии и решительно настроенных добиваться смены элит в политике, экономике, судебной системе, сфере культуры. «Мы не скрываем того, что как правая партия, мы не будем придерживаться показной идеологии политической корректности. Для нас характерны неподкупность и бескомпромиссность при защите национальных интересов. Мы выступаем за геополитическое позиционирование Хорватии в Центральной Европе и за моральное обновление хорватского общества... В экономике мы выступаем за увеличение экономических свобод и уменьшение вмешательства государства, а также против грабительского капитализма. Большое значение мы придаем культуре, науке, просвещению, современной экономике, без которых ни одно общество не может развиваться. Наша цель – стимулировать молодежь на борьбу за собственные интересы и не допустить того, чтобы она покидала свою родину из-за засилья старых криминальных элит» [цит. по: Gregorović, 2017].

Настоящей сенсацией стали итоги состоявшихся в стране в июле 2020 г. парламентских выборов. На них, как и предполагалось, победу одержала партия правоконсервативного толка «Хорватское демократическое содружество», начинавшая как праворадикальная националистическая партия. Консерваторы, входящие в состав правящей коалиции, получили в парламенте 66 мест из 151. Оппозиционный альянс социал-демократов «Перезагрузка» получил 41 место [От парламентских выборов в Хорватии..., 2020].

Неожиданностью стало то, что третье место заняла новая националистическая партия, зарегистрированная всего два месяца назад. Она получила 16 мест. Партия шла на выборы под лозун-

гом: «Наша цель вернуть политику Хорватии к фундаментальным ценностям». Лидер партии музыкант М. Шкоро является типичным популистом. Чего стоят такие его заявления, как «наш надежный партнер по коалиции – хорватский народ»; «мы не хотим быть лучше ХДС или как ХДС».

О националистическом характере партии и ее радикализме говорят такие пункты ее программы, как «за ХДС без сербов»; «за нелиберальную демократию, когда можно будет каждого ударить по рукам». Сейчас трудно что-либо прогнозировать. Однако возможно со временем партия, избавившаяся от излишнего радикализма и найдя себе надежных союзников, займет место ХДС. Тем более что ее лидер неплохо умел устраиваться при любых режимах, а на президентских выборах 2019–2020 гг. в первом туре занял третье место после действующего главы государства Зорана Милановича и экс-президента Колинды Китарович [Matijanić, 2020].

Список литературы

- Вуйич Ю. Евразия: новое осознанное геополитическое пространство // Геополитика.ru. – 07.06.2012. – Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/evraziya-novoe-osoznannoe-geopoliticheskoe-prostranstvo> (дата обращения – 7.02.2017).
- От парламентских выборов в Хорватии граждане предпочли (само)изолироваться // Балканист – 06.07.2020. – Режим доступа: <https://balkanist.ru/ot-parlamentskih-vyborov-v-horvatii-grazhdane-predpochli-samo-izolirovatsya/> (дата обращения – 8.09.2020).
- Тарасенко С.Р. Проблематика европейской интеграции в риторике крайне правых партий Центральной и Восточной Европы // Журнал научных публикаций. – 26.01.2009. – Режим доступа: jurnal.org/articles/2009/polit2.html (дата обращения – 10.01.2017).
- Gregorović D. Samo slaba ljevica vidi da u Hrvatskoj postoji jaka desnica // Glas Slavonije – 01.03.2017. – Mode of access: <http://www.glas-slavonije.hr/326708/11/Samo-slaba-ljevica-vidi-da-u-Hrvatskoj-postoji-jaka-desnica> (accessed – 04.03.2017).
- Juri Vujčić : Paradigma o Hrvatskoj kao sigurnoj destinaciji nije više tako sigurna! // Magazin. – 23.07.2016. – Mode of access: <http://www.glas-slavonije.hr/307808/11/Jure-Vujic-Paradigma-o-Hrvatskoj-kao-sigurnoj-destinaciji-nije-vise-tako-sigurna> (accessed – 23.02.2017).

- Matijanić V. Najveća prevara ovih izbora zove se Miroslav Škoro // INDEX HR. – 03.07.2020. – Mode of access: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=Matijani%C4%87+V.+Najve%C4%87a+prevara+ovih+izbora+zove+se+Miroslav+%C5%A0koro> (accessed – 7.09.2020).
- Sunić T. Osnovni problem Hrvatske je ostavština jugoslavenstva i komunizma // hkv.hr. – 15.01.2014. – Mode of access: <https://www.hkv.hr/razgovori/16742-dr-tomislav-sunic-osnovni-problem-hrvatske-je-ostavstina-jugoslavenstva-i-komunizma.html> (accessed – 15.02.2017).
- Vujić J. Radikalna misao : Fenominologija političkog radikalizma. – Zagreb, 2016. – 294 s.

А.С. Стыкалин¹

**ЕЩЕ РАЗ О ПРАВОМ ДИСКУРСЕ
В СЕГОДНЯШНЕЙ ВЕНГЕРСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Начиная с весны 2016 г. из Будапешта приходили вести сначала о планах закрытия архива Дьердя Лукача, а затем и о предполагаемом сношении памятника одному из крупнейших философво-марксистов XX в., имя которого оказалось совершенно неугодным с точки зрения исторической политики правительства, возглавляемого консерватором и евроскептиком Виктором Орбаном. Памятник действительно снесли [Снос памятника.., 2017], а архив в квартире Лукача, которая в 1960-е годы, при жизни философа, была местом паломничества левых интеллектуалов со всего мира, закрыли в мае 2018 г. [Стыкалин, 2018]².

Столь же симптоматичными для этой исторической политики и для той своего рода «культурной революции» под знаменем консервативного национализма, которую стремится осуществить венгерский премьер-министр, стали планы возведения на месте снесенного памятника марксисту-ревизионисту Лукачу монумента Балинту Хоману, историку межвоенной эпохи и политику, крайне правому по своим убеждениям. Правда, в конце концов, под влиянием общественного мнения восторжествовал компромиссный проект – городское собрание венгерской столицы, отказавшись от

¹ Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, ответственный редактор журнала «Историческая экспертиза».

² Последним посетителем оказался молодой талантливый исследователь из СПбГУ Алексей Лагурев, успевший в пожарном порядке сфотографировать листы переписки Лукача со своими советскими единомышленниками – для публикации, обещающей стать резонансной. – *Прим. авт.*

слишком скандальной затее с памятником Хоману, постановило установить на этом месте новый (далеко не первый в стране) памятник королю Иштвану, основателю средневековой венгерской христианской государственности.

Впрочем, отношение к Лукачу, от которого как от марксиста в той или иной мере дистанцируются, как правило, и венгерские либералы, представляет собой довольно частный, хотя и весьма показательный момент в сегодняшних войнах исторической памяти. Главные битвы разворачиваются, конечно, на другом поле – тогда, когда дело касается отношения не к отдельным фигурам, пусть значительным, а к наиболее знаковым событиям венгерской истории Новейшего времени. К их числу, несомненно, принадлежит Холокост 1944 г. – 70-летие этого трагического события, широко отмеченное в 2014 г. не только в Венгрии, но и далеко за ее пределами, особенно в еврейском мире, в немалой мере отразило состояние исторической памяти на разных флангах венгерской общественно-политической жизни. При этом в юбилейном 2014 г. для донесения до широкой публики определенных (и, прежде всего, конечно, поддержанных властями) исторических концепций опять-таки использовались художественные средства монументального искусства. Весной 2014 г. отмечалось 70-летие оккупации Венгрии 19 марта 1944 г. нацистской Германией, стремившейся тем самым удержать отбивавшегося от рук союзника (правительство Миклоша Каллаи после Сталинграда все более целенаправленно устанавливало контакты с западными демократиями, обсуждая через своих эмиссаров с их дипломатами условия сепаратного мира). К этой дате на будапештской площади Сабадшаг был установлен памятник, воплотивший в себе в художественной форме некоторые весьма характерные черты официальной концепции исторической памяти. Хортистская Венгрия вопреки своему активному участию во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха была изображена в ангельском облике в виде невинной жертвы, подвергшейся нападению более сильного хищника. Это явно вступало в противоречие с исторической правдой и не могло не вызвать острой полемики со стороны либеральных и левых историков и политиков как в прессе, так и на многочисленных мероприятиях памяти Холокоста, жертвами которого в Венгрии, по оценкам разных историков, стали 450–550 тыс. человек [Бибо, 2005, с. 233–236].

2014 год был объявлен, с согласия правительства, Годом памяти Холокоста, что включало в себя большую программу выставочной, издательской, лекционно-просветительской деятельности,

наполнение которой сверху определенным конкретно-историческим и актуально-политическим содержанием показательно для понимания политики исторической памяти в орбановской Венгрии на одном из ее существенных направлений.

Либеральные историки, выступая в рамках Года памяти (в том числе на альтернативных акциях, инициированных в пику официальным историческим концепциям), указывали на моральную неприемлемость позиции, когда жертвы ставятся на одну доску с их убийцами; остро критиковались попытки снять ответственность за Холокост с тогдашнего венгерского крайне правого правительства Д. Стояи, всецело переложив ее на вермахт и германские спецслужбы. Приходилось напоминать о том, что в акциях по депортации венгерских евреев не только в Аушвиц, но и в пределы большого будапештского гетто, где было сосредоточено около 80 тыс. человек, по большей части спасенных в результате освобождения Будапешта Красной Армией зимой 1945 г., непосредственно участвовали десятки тысяч венгерских полицейских, чиновников местных органов власти, военнослужащих.

Кроме того, немалая часть общественного мнения, ожидая от передела «еврейской собственности» снижения цен на продукты, а иногда и приобретения материального имущества, взирала весьма бесстрастно на творимые грубейшие беззакония. Исторические корни бытового антисемитизма в Венгрии анализирует крупный венгерский политический мыслитель И. Бибо в работе, написанной во второй половине 1940-х годов [Бибо, 2005].

При этом, как отмечалось в ходе дискуссий, речь идет не просто об искажении историками отдельных фактов (весьма существенных), замалчивании и нарушении пропорций, а о ложном нарративе в целом, создающем у многих венгров довольно отстраненное представление о Холокосте 1944 г. как о феномене, хотя и привязанном территориально к Венгрии, но относящемся не столько к национальной венгерской, сколько к еврейской истории – и это, несмотря на то, что подавляющее большинство евреев было хорошо ассимилировано в венгерскую культуру и внесло в нее немалый вклад. Тем более как эпизод «чужой», невенгерской истории преподносилась трагедия с депортацией хортистами уже летом 1941 г. в угоду Гитлеру десятков тысяч евреев, бежавших в Венгрию из Польши, на территорию Украины, где большинство из них было расстреляно (в г. Каменец-Подольский).

Искажение оптики проявилось не только в выступлениях многих СМИ, но и сказалось на школьных учебных пособиях, ре-

комендованных правительством. Идеализация хортистской эпохи и режима проявляется также в замалчивании историками, близкими к власти, подлинного значения той массивной и направленной сверху антисемитской кампании, которая предшествовала Холокосту и, по сути, увенчала его, создав предпосылки (в том числе социально-психологические) для столь радикального решения «еврейского вопроса» в 1944 г. Речь идет о целой серии законов конца 1930-х – начала 1940-х годов, все более ограничивавших позиции евреев в экономике и общественной жизни [Бибо, 2005, с. 233–236].

На этом политическом фоне обнадеживает, впрочем, появление новых серьезных, объективных исторических исследований. К ним можно отнести, например, новую монографию Кристиана Унгвари, известного военного историка, автора многих работ по истории штурма Будапешта зимой 1944–1945 гг. Посвящена эта работа исторической роли адмирала Хорти и его ответственности за выбор, сделанный в пользу нацистской Германии, и преступлений, совершенные в годы Второй мировой войны [Ungváry, 2020].

Возглавив впервые венгерское правительство по итогам выборов 1998 г. и находясь у власти вплоть до реванша социалистов в 2002 г., В. Орбан уже в период первого своего премьерства пытался реализовать в целой серии масштабных проектов определенную концепцию исторической памяти. Наиболее значительными из них были «Дом Террора» с большой музейной экспозицией по истории как нилашистского террора, так и террора времен коммунистического правления Матяша Ракоши (конец 1940-х – начало 1950-х годов)¹, а также постоянная выставка «Миллениум», открытая в знак символического 1000-летия венгерской государственности: из ее исторической экспозиции были сознательно вычеркнуты или отодвинуты на второй план люди левых и леволиберальных убеждений независимо от их вклада в венгерскую и мировую культуру.

Ко времени возвращения партии «Фидес» к власти в 2010 г. и в последующие годы его концепция исторической политики претерпела изменения. Теперь можно говорить уже не о сознательном сведении к общему знаменателю нацистско-нилашистского и сталинско-ракошистского террора, а о принижении роли собственных крайне правых сил в преступлениях, совершавшихся на венгерской территории во время Второй мировой войны, об объяснении всех негативов той эпохи прежде всего давлением нацистской Германии.

¹ Количество его посетителей давно превысило 1 млн человек. – *Прим. авт.*

Характеризуя венгерскую ситуацию второй половины 2010-х годов, нельзя, впрочем, забывать о том, что силы, стоящие во главе страны (партия «Фидес» – Венгерский гражданский союз, руководимая В. Орбаном), испытывают главный вызов для себя не слева, а справа, не со стороны социалистов, резко ослабленных в 2010-е годы, а со стороны второй по своему представительству, крайне правой партии Йоббик.

В этих условиях они вынуждены позиционировать себя как консервативную правоцентристскую партию и немалой частью общественного мнения действительно воспринимаются как партия центра, подвергающаяся давлению разных крайностей – как «либеральных космополитов», чуждых национальным ценностям, так и радикальных националистов. Как бы то ни было, давление справа ощутимо куда сильнее, а крен вправо выглядит куда весомее, что проявляется в явной идеализации эпохи Хорти.

Такие крупные и неодиозные политики того времени, как премьер-министр в 1921–1931 гг. граф Иштван Бетлен, в условиях Второй мировой войны последовательно выступавший против сближения страны с нацистской Германией, а также многолетний министр просвещения и культов, блестящий менеджер в деле строительства институтов элитарной культуры граф Куно Клеббельсберг, заняли особенно видное место в официальном пантеоне национальной памяти¹.

Эта направленность проявляется также в замалчивании или умалении крайне правых тенденций, отчетливо проявившихся в венгерской политике начиная с 1932 г., с приходом к власти правительства Д. Гёмбёша. Вопреки множеству фактов явно преувеличиваются экономические успехи хортистского правления: согласно некоторым официальным версиям, конец успешному развитию страны положила только Вторая мировая война.

Разумеется, войны исторической памяти в сегодняшней Венгрии отнюдь не ограничиваются спорами об эпохе Хорти, они происходят и на других полях. Для официально поддерживаемых консервативных исторических концепций характерна идеализация

¹ Культю Бетлена немало способствовала и его драматическая, почти мученическая кончина, что позволяет представить его как жертву международного коммунизма. Арестованный советскими спецслужбами в апреле 1945 г., 70-летний Бетлен, которого воспринимали в Москве как харизматического лидера прозападных сил в послевоенной Венгрии, умер в октябре 1946 г. в заключении в СССР, в больнице Бутырской тюрьмы. – *Прим. авт.*

эпохи дуализма (1867–1918), хотя в то время в Венгерском королевстве (одной из формально равноправных половин двуединой Австро-Венгерской монархии) так и не были разрешены острейшие национальные проблемы, как не был достигнут и консенсус между австрийской и венгерской элитами, что привело в конечном итоге к краху всей дуалистической конструкции в 1918 г.

В определенной мере можно говорить даже о культе эпохи дуализма в «орбановской» Венгрии, что нашло выражение среди прочего и в новой топонимике венгерской столицы (известная всем советским и российским туристам, посещавшим Будапешт начиная с 1960-х годов, площадь Москвы названа теперь в честь Кальмана Селла, одного из премьер-министров дуалистической эпохи).

Абсолютному отрицанию подвергается демократическая революция осени 1918 г. как проложившая дорогу последующему коммунистическому эксперименту (Венгерская Советская республика 1919 г.), а затем и унижительному для Венгрии Трианонскому мирному договору 1920 г.

«Смена вех» в оценке событий 1918 г. очень рельефно проявилась и на уровне монументальной пропаганды. Поставленный еще при Яноше Кадаре в 1975 г. близ здания венгерского парламента памятник первому премьер-министру, а затем президенту республиканской Венгрии 1918–1919 гг. Михаю Каройи (один из шедевров выдающегося скульптора Имре Варги) был в 2012 г. удален, а на его месте через два года возведен монумент его антиподу и непримиримому политическому противнику графу Иштвану Тисе, крупному венгерскому консервативному политику начала XX в., члену узкого руководства Австро-Венгрии в момент ее вступления в Первую мировую войну, погибшему 30 октября 1918 г. в перестрелке с революционными солдатами, попытавшимися захватить его будапештский особняк.

Отошло в тень и едва ли не наиболее славное событие всей 1000-летней венгерской истории, оставившее громадный след в национальной культуре, – речь идет о революции 1848–1849 гг., с которой было связано не только решение задач национальной эмансипации в условиях австрийского правления, но и утверждение в политической практике традиций венгерского либерализма.

Консервативной команде В. Орбана чужда распространенная в среде венгерских либералов трактовка 1848 г. как торжества либеральных политических концепций, поставленных на службу национальному идеалу. Если и происходит апелляция к традиции антигабсбургской революции 1848–1849 гг., то это великое собы-

тие венгерской истории трактуется исключительно как национально-освободительное движение, при этом явно остаются в тени ее завоевания, связанные с обеспечением демократических свобод, политического равноправия, созданием правовых основ современной венгерской государственности и формированием условий для возникновения в Венгрии гражданского общества [При узконациональном взгляде..., 2018].

В категориях национально-освободительного движения на правом фланге венгерской политики иногда трактуются и события осени 1956 г., которые официально, в соответствии с венгерским законодательством, признаны революцией [О многообразии подходов к этому культовому событию венгерской истории дает представление одна из книг крупного историка Яноша Райнера: Rainer, 2016]. Хотелось бы в связи с этим напомнить эпизод с переносом памятника видному деятелю тех событий Имре Надю (замечательной скульптурной композиции) с площади перед Парламентом в гораздо менее заметное место. Политик явно левый, реформ-коммунистического направления, хотя судьба его оказалась поистине трагической [Райнер, 2006], оказался не в чести у нынешней правой венгерской элиты.

А в конце зимы 2019 г. в России вызвало резонанс сообщение информагентств о том, что правительство В. Орбана призвало почтить память венгерских солдат, «до конца сражавшихся за Венгрию на Дону» в ходе Второй мировой войны. В комментариях российского экспертного сообщества выражалось крайнее недоумение по поводу того, что Восточная кампания венгерской армии, выступавшей союзником вермахта и разгромленной на Дону, стала выступать для вершителей исторической политики Венгрии предметом гордости.

Восприятие сегодняшней Венгрии как надежного экономического партнера России и как государства, способного к проведению довольно независимого курса в рамках ЕС, не дает никаких оснований закрывать глаза на происходящий в стране именно на официальном правительственном уровне пересмотр роли режима Хорти во Второй мировой войне, по сути сопровождающийся прямой апологетикой и героизацией сил, которые, вторгшись на территорию СССР в качестве союзника нацистской Германии, совершали в массовом порядке жестокости против мирного населения [Realpolitik, 2019].

Список литературы

- Бибо И. Еврейский вопрос в Венгрии после 1944 года. – М., 2005. – 256 с.
- «При узконациональном взгляде на историю у нас не будет шансов достичь консенсуса»: Интервью с академиком Габором Дьяни // Историческая экспертиза. – М. ; СПб., 2018. – № 2 (15). – С. 82–89. – Режим доступа: https://istorex.ru/page/dyani_gabor_pri_uzkonatsionalnom_vzglyade_na_istoriyu_u_nas_ne_budet_shansov_dostich_konsensusa (дата обращения – 22.10.2020).
- Снос памятника Дьёрдю Лукачу в Будапеште // Уроки истории. XX век / Сайт общества «Мемориал». – 2017. – Февраль. – Режим доступа: <https://urokiistorii.ru/article/53673> (дата обращения – 22.10.2020).
- Стыкалин А.С. Кому опасен Дьёрдь Лукач? // Историческая экспертиза. – М. ; СПб., 2018. – № 3. – С. 181–193. – Режим доступа: https://istorex.ru/stikalin_as_po_sledam_odnoy_publicatsii_v_feysbuke_komu_okazalsya_opasen_velikiy_filosof-marksist_xx_veka_edva_ne_sginuvshiy_na_lubyanke_nekotorie_razmishleniya_ob_istoricheskoy_politike_orbanovskoy_vengrii (дата обращения – 22.10.2020).
- Rainer M. János. Az 1956-os magyar forradalom. Bevezetés. – Budapest, 2016. – 188 p.
- Realpolitik или проявление морального релятивизма? Субъективные заметки о стратегическом партнерстве России с орбановской Венгрией, героизирующей подвиги своих солдат на восточном фронте // Историческая экспертиза. – 2019. – Режим доступа: https://istorex.ru/realpolitik_ili_proyavlenie_moralnogo_relyativizma_subektivnie_zametki_o_strategicheskom_partnerstve_rossii_s_orbanovskoy_vengriey_geroiziruyushey_podvigi_svoikh_soldat_na_vostochnom_fronte (дата обращения – 20.10.2020).
- Ungváry K. Horthy Miklós. A kormányzó és felelőssége. 1920–1945. – Budapest, 2020. – 224 p.

А.Ф. Дырина

**ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРАВорадикальных Движений и ПАРТИЙ
В ЛАТВИИ И ЛИТВЕ**

Рассматривая праворадикальные движения в прибалтийских государствах, надо отметить, что в Эстонии нет крупных праворадикальных партий, представленных в парламенте. Эстонские правые партии склоняются к центру политического спектра и являются по своей сути либо аграрными (Партия свободы – Крестьянское собрание), либо христианскими (Эстонские христианские демократы) [Balcege, 2011, p. 8]. Такие партии, как «Отечество» и «Эстонская консервативная народная партия» (EKRE), могут быть отнесены к классическим правым партиям, но их рейтинги в последние годы неуклонно снижаются [Правее..., 2020]. Поэтому речь будет идти о Латвии и Литве.

Немецкий политолог Михаэль Минкенберг, посвятивший достаточно много работ исследованию праворадикальных движений в европейских странах, предложил следующую классификацию праворадикальных сил: 1) авторитарно-фашистские (антидемократические), склонные к расизму и ксенофобии и одобряющие насилие как средство политической борьбы; 2) расистские и этноцентристские, но не являющиеся ни фашистскими ни антидемократическими; 3) популистско-авторитарные, организующиеся вокруг сильного харизматического лидера и имеющие расплывчатую националистическую или ксенофобскую идеологию; 4) религиозно-фундаменталистские, у которых национализм сливается с религиозной нетерпимостью. Все четыре варианта объединяют поиск внутренней однородности нации посредством непринятия различий и политика, направленная против истеблишмента.

Варианты организаций праворадикальных движений различаются своим подходом к институтам политической власти и общественному мнению. Партии участвуют в выборах и стремятся попасть в государственные органы власти. Общественные движения стремятся заручиться поддержкой общества, но не стремятся к власти. Наконец, небольшие группы и социокультурные движения действуют в достаточной степени независимо как от партий, так и от крупных общественных движений. Они не демонстрируют формальных организационных структур, но представляют собой сети, связанные с другими организациями. Обычно они более радикальны, чем любая партия или общественная организация, зачастую декларируют насилие как метод политической борьбы [Minkenberg, 2015, p. 4].

По классификации М. Минкенберга к этноцентристско-правым организациям относится латвийская партия «Всё для Латвии!» [Minkenberg, 2015, p. 7]. Эта партия была создана в 2006 г.; базой для нее послужила одноименная молодежная организация, существовавшая с 2000 г. На выборах в парламент в 2006 г. партия получила 1,48%. В 2011 г. «Всё для Латвии!» присоединилась к партии «Отечество и свобода / ДННЛ». Вместе они образовали объединение, которое активно противостоит партии «Согласие», отстаивающей интересы русскоязычных граждан в Латвии [«Отвоевать Ригу»..., 2020].

На парламентских выборах в 2010 г. партия «Отечество и свобода / ДННЛ» в блоке с партией «Всё для Латвии!» получила восемь мандатов (из ста), на внеочередных выборах 2011 г. объединение двух партий получило уже 14 мест. В 2013 г. было заявлено о преобразовании объединения в единую партию Национальное объединение «Всё для Латвии – Отечество и свобода / ДННЛ». В 2014 г. партия получила уже 17 мест, но в 2018-м – 13.

Между этническими латышскими и прорусскими партиями существует непреодолимая граница. При этом первые отказываются рассматривать саму возможность вступления в правящие коалиции со вторыми [Auers, Kasekamp, 2015, p. 138].

Обычно каждую весну латвийское общество активно реагирует на акции праворадикальных движений. Всё начинается 16 марта – в неофициальный день памяти бойцов Латышского добровольческого легиона, входившего в состав войск СС. В этот день на шествие выходят бывшие легионеры, к ним присоединяются латышские националисты. Кульминацией противоположных идеологических акций является шествие 9 мая, в котором участвуют ветераны борьбы с

фашизмом и многочисленные активисты. В этом мероприятии используется советская атрибутика, историческая реконструкция полевых кухонь – то, что ассоциируется с советской эпохой [Auers, Kasekamp, 2015, p. 140].

В Латвии на рубеже 1920-х и 1930-х годов существовало несколько экстремистских организаций, оппозиционных по отношению к государству, бывшему тогда демократическим. Данные партии ориентировались на успех подобных движений в Италии, Венгрии и, конечно, в Германии.

Современные латвийские радикалы часто обращаются к эпохе Карлиса Улманиса, считая его правление идеальной моделью для современного латвийского государства. В общественном сознании период его правления (1934–1940) считается «золотой эпохой» независимой Латвии, в те годы латвийская экономика преодолела экономический спад. Однако режим Улманиса ограничивал имевшиеся ранее широкие национальные права евреев и русских.

Сегодня в праворадикальных движениях Латвии прослеживается связь с националистическими и антисоветскими движениями, появившимися в 1980-х годах. Исследователи условно разделяют их на две группы. Первая – это умеренные националисты, которые вступали в союз с центристской «зонтичной» (головной) организацией Народный фронт (она объединяла диссидентов, эмигрантов, коммунистов и даже национальные меньшинства). В результате сформировалось ядро правоцентристских партий этнических латышей, которые контролируют исполнительную власть начиная с 1993 г. и по сегодняшний день. Вторая группа – радикальные националисты, которые создали в 1989 г. Гражданский конгресс, с перспективой его преобразования в альтернативный парламент, в состав которого вошли бы исключительно граждане, родившиеся в межвоенной Латвии и их прямые потомки. Тем самым сводилась к нулю роль русскоговорящих жителей и представителей других национальностей, оставшихся там после распада Советского Союза. [Auers, Kasekamp, 2015, p. 137].

Народный фронт в Латвии в 1993 г. был преобразован в Христианскую народную партию, которая позже присоединилась к Христианско-демократическому союзу (ХДС). В 2009 г. ХДС декларировал следующие принципы на выборах в Европарламент: свобода и социальная справедливость, укрепление внутренней и внешней безопасности Латвии, отстаивание политического влияния Латвии на международной арене, обеспечение энергоснабжения, защита окружающей среды, поддержка будущих поколений [Христианско-демократический..., 2009].

В Литве относительно сильные праворадикальные движения появились только в 2014 г., до 2004 г. праворадикальные настроения были очень слабыми, с 2004 по 2014 г. – умеренными.

Праворадикальные движения здесь стремятся к правоцентризму и являются по сути популистскими. Правоцентристская партия «Право и справедливость» основана в 2002 г. Среди ее основателей – Роландас Паксас, бывший президент Литвы, которому был объявлен импичмент в 2004 г. Программа этой партии основывается на критическом анализе основных проблем, с которыми сталкивается Литва, в том числе недостаточно высокого уровня жизни. Отсюда, по мнению лидеров партии, вытекают эмиграция жителей Литвы в другие страны Евросоюза, алкоголизм, бытовое насилие и прочие проблемы. Пытаясь найти решение проблем, они призывают к моральному возрождению нации. Особое внимание уделяется теории заговора, в соответствии с которой политическая элита Литвы – это марионетки в руках иностранных сил.

Критика истеблишмента является одной из ключевых составляющих партийной программы. «Право и справедливость» предлагает лишить «правлящую олигархию» большинства привилегий и выступает за возрастание роли президента, который должен не только представлять Литву на международном уровне, но и иметь больше влияния на внутренние дела [Balceris, 2011, p. 6].

В 2020 г. партия объединилась с «Союзом свободы Литвы» (под руководством Артураса Зуокаса), к которому еще раньше примкнуло движение «Вперед, Литва!» [Партия., 2020].

Национальными меньшинствами в Литве считаются русскоговорящие и польскоязычные граждане страны. Ни школы, ни сама возможность говорить на русском либо польском языках в Литве явной дискриминации не подвергаются. Русские и польские государственные школы работают по следующему принципу: 80% предметов преподается на родном языке, 20% – на государственном литовском. Однако, согласно статистике, в последние годы количество общеобразовательных школ с обучением на русском и польском языках, а также многоязычных школ падает.

Традиции общения на родных языках меньшинств поддерживает часть политической элиты. Либеральный непартийный экономист Гитанас Науседа, одержавший победу на последних президентских выборах, охотно дает интервью на русском языке как местной, так и иностранной прессе.

В связи с вышеизложенным возникает логичный вопрос о возможной пророссийской ориентации литовской государственной

элиты и о дальнейшем сближении Литвы с Россией. И здесь ситуация видится достаточно позитивной, особенно со стороны Кремля. Вальдемар Томашевский, являющийся депутатом Европарламента и возглавляющий партию «Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей и “Русский альянс”» (ИАПЛ-СХС и РА), считается пророссийским политиком. С его присоединением к правящей коалиции можно ожидать дальнейшего «потепления» в отношениях Российской Федерации и Литвы [Иванов, 2019].

В Латвии национализм составляет часть политического мейнстрима, наблюдается сильное противостояние националистических сил и пророссийских партий. В Литве же национализм не очень популярен ни в народе, ни среди истеблишмента. Согласно экспертным оценкам, явные националисты имеют поддержку со стороны лишь 3–4% населения.

Список литературы

- Иванов Е. Мы пойдем другим путем: почему в Литве, в отличие от Латвии и Эстонии, так не популярен национализм // Baltnews. – 2019. – 05.06. – Режим доступа: <https://baltnews.lt/authors/20190605/1019187931/lithuania-nacionalizm-nepopularen-estonia-latvia.html> (дата обращения: 23.10.2020).
- «Отвоевать Ригу»: как в Латвии борются с партией русскоязычных // Газета.ру. – 2020. – 01.03. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/28_a_12981781.shtml (дата обращения: 23.10.2020).
- Партия «Порядок и справедливость» объединяется с Союзом свободы Литвы // Regnum. – 2020. – 27.05. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2963647.html> (дата обращения: 23.10.2020).
- Правее кто? В битве за ценности и рейтинг схлестнулись правые партии Эстонии // Baltnews. – 2020. – 23.07. – Режим доступа: https://baltnews.ee/Estonia_politika_novosti/20200723/1018716380/Pravee-kto-V-bitve-za-tsennosti-i-reyting-skhlestnulis-pravye-partii-Estonii.html (дата обращения: 23.10.2020).
- Христианско-демократический союз // Delfi. – 2009. – 19.05. – Режим доступа: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/hristiansko-demokraticeskij-soyuz.d?id=24620705&all=true> (дата обращения: 23.10.2020).
- Auers D., Kasekamp A. Radical Right Impact in Baltic States // Transforming the Transformation? The East European Radical Right in the Political Process. – London ; New York, 2015. – P. 137–153.

- Balcere I. Comparing Populist Political Parties in the Baltic States and Western Europe // Paper for 6th ECPR General Conference, Reykjavik. – 2011. – P. 1–16. – Mode of access: <https://ecpr.eu/filestore/paperproposal/1de703e8-4516-4ed9-92a3-858ed010c393.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).
- Minkenberg M. Pattern, Process, Policies: Conceptualizing Radical Right Impact // Paper for ECPR General Conference. – Montreal, 2015. – P. 1–29. – Mode of access: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/37f31939-2ecb-4a71-9026-928ef890c1ed.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).
- Saarts T. Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: The Case of the Baltic States // Studies of Transition States and Societies. – 2011. – Vol 3, Issue 3, – P. 81–104.– Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/285980468_Comparative_Party_System_Analysis_in_Central_and_Eastern_Europe_the_Case_of_the_Baltic_States (дата обращения: 23.10.2020).

А.В. Белинский

**«АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ» НА ВОСТОКЕ ФРГ.
ФОРМУЛА УСПЕХА ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ**

Крупные успехи правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» на последних выборах в трех федеральных землях ФРГ (Саксония, Тюрингия, Бранденбург)¹ заставляют всерьез задуматься о причинах ее популярности на востоке страны.

Думается, что широкая поддержка АдГ обусловлена целым рядом факторов, природа которых кроется в прошлых и нынешних проблемах восточных федеральных земель. В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что идея парламентской демократии не слишком прочно укоренилась на территории бывшей ГДР. Это связано как с историей региона, в котором на протяжении длительного времени существовали недемократические режимы, так и с тем, что системным политическим партиям не всегда удается выстраивать эффективный диалог с местным населением. Непонимание западногерманскими политиками особенностей политической культуры и менталитета восточных немцев, их стремление усадить местное население «за парту» в школе демократии, к которому зачастую примешивается высокомерное отношение, вызывают вполне объяснимую негативную реакцию.

Особенно ярко это проявилось во время миграционного кризиса 2015 г., когда канцлер А. Меркель приняла решение принять несколько сотен тысяч беженцев из Сирии, не учитывая настроения своих сограждан, особенно в восточных федеральных землях. В ходе избирательных кампаний новые граждане ФРГ выражали свое недовольство и разочарование путем голосования за несис-

¹ На этих выборах «Альтернатива для Германии» набрала соответственно 27,5%, 23,4%, и 23,5%. – *Прим. авт.*

темные партии – «Левых»¹, а затем «Альтернативу для Германии». Отвечая на вопрос о причинах популярности «новых правых» на востоке страны, мэр небольшого поселения Цольбрюк (Бранденбург) заявил: «Совсем просто. Поскольку другие (политические партии. – А. Б.) разучились прислушиваться» [Wagum..., 2019].

К тому же на востоке страны сильнее, чем в западных федеральных землях выражены авторитарные и патерналистские настроения. В отличие от западных соседей, имеющих демократические традиции (членство в профсоюзах, церковной общине), «осси» (прозвище восточных немцев) уповают скорее не на политические институты, а на личность лидера и сильное государство, способное решить их проблемы. Отстаивающая принципы «law and order» (закон и порядок – англ.), усиления полиции и ограничения миграции «Альтернатива для Германии» в буквальном смысле проливает бальзам на душу восточногерманского обывателя [Kleinert, 2018, S. 38].

Третьей причиной, объясняющей успех правых популистов к востоку от Эльбы является достаточно сложная социально-экономическая ситуация в восточных землях ФРГ. Объединение страны в 1990 г. повлекло за собой глубокий кризис промышленности на территории бывшей ГДР, который был обусловлен износом оборудования, разрывом традиционных связей с восточноевропейскими странами, утратой рынков сбыта, а также закрытием значительного числа восточногерманских предприятий по причине того, что на территории западных земель производилась аналогичная продукция. В свою очередь крах экономики вызвал небывалую волну безработицы, достигшую к концу 1990-х годов около 16–17%. Десятки тысяч людей в одночасье лишились работы и каких-либо перспектив на лучшую жизнь. К ним добавились те, кто по политическим мотивам был уволен властями из армии, полиции, государственных учреждений.

Контраст между предвыборными обещаниями канцлера Г. Коля и реальностью породил у новоиспеченных граждан ФРГ чувство глубокого разочарования и подавленности, которое постепенно стало перерастать в неприязнь к политической системе и традиционным политическим партиям. Несмотря на серьезные финансовые вливания правительства ФРГ в новые федеральные земли, многие районы на востоке страны по-прежнему явля-

¹ Поддержка «Левых» на Востоке ФРГ стала падать после того, как партия поддержала миграционную политику канцлера А. Меркель. – *Прим. авт.*

ются зоной экономической депрессии, что объясняется низкой плотностью населения, малой привлекательностью региона для инвесторов и оттоком молодежи.

Чувство неудовлетворенности и разочарования восточных немцев нашло свое выражение в начале 1990-х годов в череде нападений на мигрантов и погромах общежитий с иностранными рабочими. Небольшие националистические партии («Национал-демократическая партия», «Немецкий народный союз», «Республиканцы») сумели обратить эти настроения в свою пользу и завоевать симпатии части населения. Они упрекали официальные власти в том, что те тратят слишком большие средства на интеграцию мигрантов, вместо того чтобы оказывать помощь собственным гражданам в Саксонии или Тюрингии. Не последнюю роль в усилении позиций праворадикальных партий сыграла и их активная работа с местным населением, которая проявлялась в создании молодежных клубов, оказании помощи социально незащищенным слоям населения и т.д.

По тому же пути пошла созданная в начале 2013 г. правопопулистская партия «Альтернатива для Германии». Хотя первоначально партия позиционировала себя преимущественно как клуб консервативно-либеральной элиты, находившейся в оппозиции курсу А. Меркель, однако в скором времени она стала «открывать» для себя восток ФРГ.

Уже осенью 2014 г. на земельных выборах в трех восточных землях (Саксония, Тюрингия, Бранденбург) правые популисты сумели уверенно преодолеть 5%-ный барьер и пройти в местные ландтаги. И если в «старой» ФРГ «Альтернатива для Германии» активно поддерживала рыночный либерализм и бизнес, то в «новых» федеральных землях она выступала с позиций защитников всех «униженных и оскорбленных». Так, в избирательной программе АдГ в Саксонии в 2014 г. говорилось: «Сельская местность особенно сильно страдает от демографических изменений. Причиной этого является направленная на централизацию политика [...]. Вследствие включения в городскую черту многие деревни утратили свою самостоятельность и вошли в состав огромных, едва поддающихся управлению общин и округов. В сельской местности отсутствуют квалифицированные рабочие и учебные места» [AfD..., 2014]. В качестве мер поддержки «Альтернатива для Германии» предлагала увеличение финансирования, улучшение инфраструктуры и отказ от слияния деревень с городскими агломерациями. Именно эта риторика во многом обеспечила поддержку партии со стороны безработных и малоимущих слоев населения.

И, наконец, четвертой причиной успеха правых популистов в новых федеральных землях является национализм. Данные социологических исследований отчетливо показывают, что уровень ксенофобии на Востоке ФРГ выше, чем в западных регионах [Zick, Krause, Küpper, 2015, S. 65]. Об этом свидетельствует и статистика полиции, согласно которой «новые» земли лидируют по числу преступлений, совершенных неонацистскими или националистическими группами [So viele..., 2018].

Причины ксенофобских и антимигрантских настроений в регионе достаточно сложны и многообразны. Нужно отметить, что именно Восточная Германия (королевство Пруссия) являлась центром формирования немецкого государства, что, вероятно, определило более высокий уровень национального самосознания у местного населения. Определенную роль здесь сыграла и историческая политика ГДР, которая с 1970-х годов сделала ставку на инструментализацию прошлого ради консолидации общества.

Все эти обстоятельства создали объективные предпосылки для быстрого распространения влияния правых популистов в восточных регионах ФРГ. Данная ситуация остро требует от «старых» партий как пересмотра своей стратегии в отношении АдГ, как и поиска путей интеграции восточных федеральных земель.

Список литературы

- AfD Sachsen. Wahlprogramm 2014. – Mode of access: http://www.leipzigwaehlt.de/fileadmin/leipzigwaehlt/Landtagswahl_2014/WP_AfD.pdf (accessed – 23.10.2020).
- Kleinert H. Die AfD und ihre Mitglieder. Eine Analyse mit Auswertung einer exemplarischen Mitgliederbefragung hessischer Kreisverbände. – Springer VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2018. – 131 S.
- So viele rechte Gewalttaten gab es im letzten Jahr. // Der Stern. – 2018. – 28. August. – Mode of access: <https://www.stern.de/politik/deutschland/so-viele-rechte-gewalttaten-gab-es-in-den-bundeslaendern-im-letzten-jahr--8230556.html> (accessed – 22.10.2020).
- Warum die AfD in Brandenburg so gut dasteht? // Deutschlandfunk. – 2019. – 23 August. – Mode of access: https://www.deutschlandfunk.de/wahlkampf-in-ostdeutschland-warum-die-afd-in-brandenburg-so.1773.de.html?dram:article_id=457072 (accessed – 22.10.2020).
- Zick A., Krause D., Küpper B. Der Osten erhebt feindselige Stimme? // Wut. Verachtung, Abwertung: Rechtspopulismus in Deutschland. – Bonn, 2015. – 224 S.

С.Е. Князева¹

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ НОВОГО ПОПУЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ УСИЛЕНИЯ ПОПУЛИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ XXI в.

Новый популизм² становится сегодня важным сегментом политических систем европейских стран и завоевывает прочные позиции в пространстве Европы. Лидеры популизма 2.0 транслируют идейно-психологические установки, привлекательные для значительной части избирателей, не отдающих себе отчет в том, что они вновь становятся жертвами геополитического троллинга и изощренного манипулирования. Очевидно, что современные популистские движения – это мина замедленного действия в пространстве ЕС и Европы в целом [Саррацин, 2015; Осколков, 2019; Европа в поиске..., 2020].

Укрепление позиций популистских движений и создание ими кластеров в Европе во многом обусловлено тем, что на рубеже тысячелетий европейское пространство находится в состоянии транзита в направлении качественно новой *миросистемы* [Валлерстайн, 2018, с. 3, 9]. Технологический переворот и поражение идеологий XX в. стали важными звеньями транзита и привели к увеличению популистского сегмента в институциональном поле Европы.

¹ Князева С.Е., кандидат исторических наук, доцент факультета международных отношений и внешней политики РГГУ.

² Популизм стал *новой* версией *старых* идеологий, движений и режимов, установившихся в 20–30-е годы XX столетия. Данная статья посвящена сути этого идейного, политического, психологического, социокультурного феномена в европейском пространстве XX–XXI вв.

Популизм в версии 2.0 воплотил, в условиях наступившей цифровой эпохи (с утверждением политики 2.0), преимущественно правую версию этого явления, поэтому используется термин «новый популизм». – *Прим. авт.*

На излете XX в. преимущества либеральной системы обрушили ряд авторитарных режимов, «породив ожидание окончательного господства демократии» [Рогов, 2020]. Но, очевидно, дефицит легитимности либеральной демократии привел к тому, что часть европейского мира вошла в нелиберальный, отрицающий либеральное кредо политический цикл, когда авторитаризм кажется приемлемым (возможно, единственно приемлемым) способом воздействия на массы. Анализируя параметры наступившего транзита и соответствующие циклические модели [Хантингтон, 2003, с. 26] можно выявить, что эта реверсная или «реверсивная волна»¹ представляет собой откат от либеральной демократии и ее аксиологической модели [Accession criteria..., 1993]. Реверсные движения, какими являются сегодня новые популисты, оказывают серьезное воздействие на институциональные структуры и их кливаж² в современных демократиях.

Новая волна популизма может и сама квалифицироваться как реверс – возвратное движение в направлении той фазы политического цикла, который проявился после Первой мировой войны, в условиях серьезного системного сбоя – массового кризиса идентичностей европейцев [Эрикссон, 1996, с. 25]. Непосредственным итогом этого глобального кризиса стало появление популизма, ультра-левых и крайне правых движений, захвативших власть в ряде европейских стран³ и не утративших популярности во второй половине века [Marchettoni, 2017; De Felice..., 1969, p. 9].

По мере развития популизма 2.0 в XXI в. становится очевидно, что и старый, межвоенный, и современный *новый* популизм стали выражением крайней формы консервативной идеологии в ее архаи-

¹ Третья реверсивная волна демократии развернулась, по убеждению С. Хантингтона, в последние десятилетия XX в., влияя на институциональное устройство европейских стран и проявляясь в реверсии в сторону далеких от либеральной демократии движений и режимов. – *Прим. авт.*

² Понятие «кливаж», широко используемое в рамках институционального метода, применяется в теории социальных расколов и практике конфликтов внутри партийно-политических систем, их растущей неустойчивости, партийных расколов, размежеваний. В процессе трансформации конфликтов интересов партий из социальной (социокультурной) сферы в область политического действия возникают так называемые *пороги*, препятствующие, по мнению экспертов Липсета и Роккана, формированию и эффективной деятельности вновь возникающих партий и движений. – *Прим. авт.*

³ Речь идет о тоталитарных режимах, пришедших к власти в 20–30-е годы XX в. Проблему популизма после Первой мировой войны анализировали в 20-е годы XX в. историки немецкой консервативной школы Э. Юнгер и А. Мёллер Ван ден Брук. – *Прим. авт.*

ческом традиционалистском или *палеоконсервативном* варианте [Князева, 2017; Schrad, 2015]. Популисты прибегают к продуманному дискурсу, риторике, инструментарию в *искусстве убеждать*, к манипулятивным техникам сплочения населения, что поддерживает легитимность *вождей* популистских движений и лидеров персоналистских режимов, использующих техники респонсивности¹. В дискурсе популистов, даже в случаях хеджирования², просматриваются апелляция к «истинному народу», критика либеральной и представительной демократии, антиэлитизм [Шибкова, 2020, с. 121].

Используя софистику, силлогизмы, трюизмы, популисты предлагают населению европейских стран *здоровые* семейные ценности [Пареньков, 2020], упрощенные решения политических, социальных, этических проблем, апеллируя к архаике в духе домостроя. Обращают на себя внимание ксенофобия и еврофобия, расизм и антисемитизм, гомофобия и иные «горячие точки» их публичного дискурса: на острых вопросах легко привлечь симпатии электората. Сегодня, в условиях кризиса, осложненного наступлением пандемии COVID-19, на первый план в деятельности популистов выходит сфера приватной жизни человека, но «свобода передвижения, этические аспекты прав ЛГБТ, аборт и эвтаназия давно находятся в фокусе популистских идеологов» [Европа в поиске..., 2020, с. 113].

Узнаваемы (поскольку они были важной опорой популистских идеологий XX в.) проявления манихейства в идейно-психологических установках – «две гомогенные и антагонистические группы, истинный народ против коррумпированной элиты» [Осколков, 2019, с. 15, Mudde, 2004, p. 543]. Хорошо проглядывается в идеологии и дискурсе нового популизма призыв к защите суверенитета через выход из еврозоны и ЕС. Мобилизуя информационный шум, постправду и *фейк ньюз*, создавая атмосферу паники, популистские лидеры провоцируют фантомные боли общественного сознания, используют «отложенный спрос» на особую роль народа в пропаганде величия³. Правда, в отдельных случаях

¹ Власть готова учитывать мнение населения, если оно не посягает на участие в управлении. – *Прим. авт.*

² То есть использование *хеджей* – иносказательных приемов в риторике, эвфемизмов, используемых политиками и направленными на введение народа в заблуждение безобидностью предлагаемых мер. – *Прим. авт.*

³ Так срабатывает «эффект Зейгарник», известный в этно- и гештальт-психологии: незавершенные исторические события не могут быть «закрыты» – их следует доиграть или переиграть. По Маслоу, дефицит самодостаточности способен вызвать конфликт. – *Прим. авт.*

заметны и проявления *нативизма* как *обращения* к особым национальным проявлениям народа с упором на его особенную роль – на его *самость* [Европа в поиске..., 2020, с. 112]. В результате в репрезентациях образа привлекательного «Я» условному «Чужо-му» нагнетается образ врага и используются соответствующие репертуары смыслов, нацеленные скорее на собственных сограждан, чем на «Чужого».

В конечном итоге очевидно стремление нового популизма контролировать массы по мере их *расчеловечивания* – именно это входило в арсенал действий тоталитарных автократий. Вот почему ХХ в. с его тоталитарными экспериментами вошел в историю как крупнейшая антропологическая катастрофа [Хоружий, 2019, с. 55]. Сегодня ряд экспертов отмечают, что «резкие смены этической модели» повлекли за собой травму нравственных ориентиров, а затем «деградацию нравственного сознания». Подобные процессы способствовали утверждению *антиэтики*, а в крайнем воплощении – *а-этики* как атрофии этики [Хоружий, 2019, с. 54].

Конструктивистский переворот и постмодернистское прочтение мировой политики XXI столетия, подмеченные уже в конце прошлого века [Der Derian, 2008, p. 5], способствовали утверждению нового популизма, использующего такие рычаги воздействия, как создание *симулякров* – виртуальной реальности и, соответственно, альтернативного представления о сути понятий и вещей, *подобных* настоящим, возможностей Big data, политики в формате 2.0 (или 3.0), парадоксальной дипломатии или антидипломатии¹, где модным трендом становится *мачизм* в стиле поведения и дискурсе, а также усиление слежения, контроля, давления на население – жесткий сталкинг, в том числе через новые информационные технологии, провоцирующий психологический и популяционный пессимизм [Аверкиева, 2018; Der Derian, 2008].

Популисты чувствуют себя особенно устойчиво в тех странах и регионах, где национальная (этническая, религиозная), политическая, социальная идентичность подвергалась длительным и множественным *травмам* – повторяющимся незалеченным *ранам* (войны, завоевания, ига, рабского положения значительной части населения) [Гроппо, 2005, с. 24–25]. Но было бы логично предположить, что популистские партии и движения получают поддержку электората только в странах на востоке Европы, на Балканах, имеющих в ретроспективе длительные и множественные травмы и

¹ Терминология Дж. Дер Дериана. – *Прим. авт.*

не вкусивших опыта либеральной демократии, конкурентного общества, стабильных моделей власти. Действительно, в Юго-Восточной Европе, в Балканском регионе, так же как и в целом в регионе Восточного Средиземноморья, среди культур относительно слабых [Водичев, 2003, с. 105], популисты являются заметными акторами, участвующими во властных структурах или в процессе принятия важнейших политических решений, и сегмент электората, оказывающего им поддержку, достаточно стабилен.

Однако с начала XXI в. и страны Западной Европы демонстрируют усиление позиций популистов. Достаточно упомянуть «Национальное Объединение» М. Ле Пен, участвовавшее в президентских выборах во Франции весной 2017 г. [Partiti populisti in Europa..., 2016]; движение «Альтернатива для Германии», позиции которой пока не ослабевают; «Партию Свободы» Г. Вилдерса в Нидерландах; бельгийскую партию «Народная демократия» [Европа в поиске..., 2020, с. 42; Осколков, 2017; Осколков, 2019, с. 7]. Список пополняет австрийская Партия Свободы Н. Хофера – в последние несколько лет она сохраняет влияние в традиционном сегменте электората. Существенным влиянием располагают партии и движения популистского толка в Словакии, Швеции, странах на постсоветском пространстве.

Нельзя не упомянуть популистскую партию «Право и справедливость», основанную Я. и Л. Качиньскими, сформировавшую правительство во главе с М. Моравецким по результатам выборов (октябрь 2019 г.), а также Венгерский гражданский союз (партию «Фидес») и его лидера В. Орбана, который находится у власти с 2010 г. (после некоторого перерыва), причем партия и ее лидер опираются на стабильную электоральную поддержку [Водичев, 2003, с. 105]. Но партия «Фидес», которая на выборах в апреле 2018 г. действовала в союзе с ультраправым движением «За лучшую Венгрию» [Binelli, 2017], не является единственной партией власти в Евросоюзе. Популистские правительства были сформированы в Греции во главе с А. Ципрасом, лидером СИРИЗА, практически без перерыва возглавлявшим правительство с января 2015 до июля 2019 г.

Значительные позиции популисты приобрели во Второй республике в Италии: они представлены партией «Вперед, Италия!», движением «Пять звезд», созданным комиком Беппе Грилло [Любин, 2015, с. 45], а также Лигой. И сегодня позиции «пятизвездочников» сильны: они одержали победу в марте 2018 г. и совместно с Лигой сформировали кабинет (июнь 2018 г.) [Любин, 2015, с. 49–50]. В октябре 2017 г. глава Лиги М. Сальвини уточнил на-

звание и идейно-политические ориентиры партии¹. После этого лидер Лиги поставил цель сформировать правительство и занять в нем ключевые посты, причем уточнил, что Лига является «единственной *популистской* партией в Европе, которая войдет в правительство в ближайшие *месяцы*» (курсив мой. – С. К.) [Lega..., 2017; Europee: ultime proiezioni, 2017]. На выборах в марте 2018 г. блок популистов набрал 37%, Лига – более 17% голосов избирателей [Выборы 2018..., 2018]. Сальвини занял ключевой пост в первом правительстве Дж. Конте (июнь 2018 – сентябрь 2019) и прославился жесткими националистическими призывами, оскорблениями мигрантов, расизмом (скандал в конце сентября 2018), финансовыми связями с другими европейскими популистами [Внутри секретной денежной..., 2019]. Эксцентричные *salvinate*² лидера не мешали Лиге получить на выборах в Европарламент 34,3% голосов – фракция популистов не смогла оспорить лидерство ЕНП (Европейская народная партия), социалистов и демократов, но заняла в парламенте прочные позиции. Таким образом, на выборах 2019 г. популистские партии показали высокий результат в Италии и Франции, но в целом не достигли ожидаемых результатов [Главное о результатах выборов..., 2019; Ercolani, 2019].

В чем причина популярности популистов в Италии? Ее народ воспринял на уровне генетической памяти наследие афинской философии, логики, идею о том, что человек есть «мера всех вещей» и берет на себя ответственность за свой выбор. В Италии не существовало крепостного рабства, а на севере не получили развития жесткие формы личной несвободы. Так сформировался вектор политической культуры – неприятие диктата власти. Являясь одним из основателей Европейского союза, государство, в отличие от стран Восточной Европы, демонстрирует тяготение к западноевропейской ценностной модели. Но как тогда объяснить тяготение итальянцев к популизму? По-видимому, в массовом сознании большую роль сыграли исторические травмы – длительная эпоха политического сепаратизма, потеря независимости, восприятие неудач Рисорджименто – реальных или политически заостренных [De Felice..., 1969, p. 214]. И, безусловно, глубокий след оставил фашизм – первый политический режим

¹ С момента создания в начале 90-х годов XX в. движение, инициированное У. Босси и Р. Марони, называлось «Лига Севера» и не ставило цели, которая квалифицировала бы его как жестко популистское. – *Прим. авт.*

² Этот неологизм означает «выходки», «художества», скандальные пассажи лидера Лиги. – *Прим. авт.*

в Европе – пусть *стыдливый*, не претендующий на «абсолютный моральный авторитет» [Лопухов, 1977, с. 280], – но ставший версией тоталитарной автократии.

Однако в Юго-Восточной Европе – вообще в регионе Восточной Европы, – ситуация сложилась иная: новый популизм становится, по всей вероятности, постоянно действующим фактором политического, идейно-психологического, социально-культурного поля. Как уже подчеркивалось, эти страны не были включены в историческое пространство *Pax Romana*, а впоследствии регион стал объектом иноземного влияния или прямого завоевания, итогом чего стал опыт длительных и множественных травм.

Список литературы

- Аверкиева О. Сталкинг: как люди превращаются в параноидальных преследователей // FUTURIST. – 2018. – 1.02. – Режим доступа: <https://futurist.ru/articles/1383-stalking-kak-lyudi-prevrashchayutsya-v-paranoidalnyh-presledovateley> (дата обращения 15.09.2020).
- Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2018. – 256 с.
- Внутри секретной российской денежной машины Маттео Сальвини // InoPressa. – 2019. – 9.10. – Режим доступа: <https://www.inopressa.ru/article/09sep2019/dailybeast/salvini.html> (дата обращения 14.11.2020).
- Водичев Е. Россия и объединенная Европа : социокультурные вызовы европейской интеграции // Проблемы идентичности : человек и общество на пороге третьего тысячелетия. – М., 2003. – 256 с.
- Выборы-2018: Италии грозит новый политический кризис // НОВЫЙ ДЕНЬ. – 2018. – 05.03. – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/moscow/629659.html> (дата обращения 15.04.2018).
- Главное о результатах выборов в Европарламент // DW. – 2019. – 29.05. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/главное-о-результатах-выборов-в-европарламент/a-48892941> (дата обращения 22.06.2020).
- Гроппо Б. Как быть с «темным» историческим прошлым // Полит.ру. – 2005. – 25.05. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2005/02/25/groppo/> (дата обращения 26.10.2020).
- Европа в поиске новых решений // Доклады Института Европы РАН. – М., 2020. – 139 с. – Режим доступа: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/372.pdf> (дата обращения 20.01.2020).
- Князева С.Е. Итальянско-российское взаимодействие в контексте национальной идентичности итальянцев. – М., 2017. – 13.07. – Режим доступа: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/svetlana-knyazeva-the-italians-and-the-air-of-freedom-.html> (дата обращения 27.09.2017).

- Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. – М., 1977. – 295 с.
- Любин В.П. Беппе Грилло и «Движение пяти звезд» как феномен итальянской политики // Италия в начале XXI века. – М., 2015. – 152 с.
- Осколков П. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе // Современная Европа. – М., 2017. – № 5. – С. 54–62. – Режим доступа: https://mgimo.ru/upload/iblock/ad0/elibrary_30638418_35445382.pdf (дата обращения 22.10.2020).
- Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. – М., 2019. – Режим доступа: <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/365.pdf> (дата обращения 12.01.2020).
- Пареньков Д. Коронавирус повышает запрос на консервативные ценности // Актуальный комментарий. – 2020. – 18.03. – Режим доступа: <http://actualcomment.ru/koronavirus-povyshaet-zapros-na-konservativnyye-tsennosti-2003181444.html> (дата обращения 15.09.2020).
- Рогов К. Политическая пандемия: логики вирусной войны // Радио Эхо Москвы. – 2020. – 19.03. – Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/rogov_k/2608514-echo/?utm_source=grf-eng&utm_medium=partner&utm_campaign=giraff.io (дата обращения 21.10.2020).
- Саррацин Т. Европе не нужен евро. – М., 2015. – 512 с.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века : пер. с англ. – М., 2003. – 368 с.
- Хоружий С.С. О нравственной катастрофе и миссии регистратора // Вестник Свято-Филаретовского института. – М., 2019. – Вып. 31. – С. 54–74.
- Шибкова М.О. Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий // Современная Европа. – М., 2019. – N 5. – Режим доступа: <http://www.sov-europe.ru/2019/4-2019/11.pdf> (дата обращения – 21.10.2020).
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. – М., 1996. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=245724> (дата обращения – 14.11.2020).
- Accession criteria (Copenhagen criteria) // EUR-Lex. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/accession_criteria_copenhagen.html (date of access – 16.10.2020).
- Binelli R. Il pugno di ferro in Ungheria. Ungheria, parlamento autorizza detenzione per tutti i migranti // Il Giornale.it. – 2017. – 17.03. – Mode of access: <https://www.ilgiornale.it/news/mondo/ungheria-parlamento-autorizza-detenzione-tutti-i-migranti-1372237.html> (date of access – 20.09.2017).
- De Felice R. Le interpretazioni del fascismo. – Bari ; Laterza, 1969. – 291 p.
- Der Derian J. Critical practices in International Theory. Selected Essay paperback. – 2008. – 330 p.
- Ercolani A. Salvini e le radici filosofiche della destra populista // FQ. – 2015–18.12. – Mode of access: <https://www.ilfattoquotidiano.it/2015/12/18/salvini-e-le-radici-filosofiche-della-destra-populista/2313943/> (date of access – 16.11.2020).

- International / intertextual relations: postmodern reading of world politics. – N.Y., 1989. – 353 p.
- Lega, nuovo simbolo senza «nord». Salvini: «Sarà valido per tutta Italia» // La Repubblica. – 2017. 27.03. – Mode of access: https://www.repubblica.it/politica/2017/10/27/news/lega_nord_nuovo_simbolo-179501278/ (date of access – 23.12.2018).
- Marchettoni L. Theorie del populismo. – Italy, 2017. – Mode of access: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/6896916.pdf> (date of access – 23.12.2018).
- Mudde C. Populist Zeitgeist // Government and Opposition. – Cambridge, 2004. – N 39 (4). – P. 543–554.
- Schrad M.L. The Tea Party Comes to Moscow // Foreign Policy. – 2015. – 6.01. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2015/01/06/tea-party-putin-moscow-ukraine> (date of access – 15.09.2018).
- Partiti populistici in Europa. UN'ANALISI COMPARATA TRA FRANCIA, ITALIA E REGNO UNITO. I casi di Front National, Lega Nord e Independence Party a confronto. 2016. – Mode of access: https://tesi.luiss.it/17939/1/625422_GIANNANDREA_LUCA.pdf (date of access – 26.10.2020).

С.А. Романенко¹

**ПОПУЛИЗМ, РАДИКАЛИЗМ,
ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ:
ЯВЛЕНИЯ И ПОНЯТИЯ**

В последнее время одним из заметных политико-психологических явлений европейской части постсоциалистического мира становится популизм. Само по себе это явление не новое – популизм был одним из решающих факторов, приведших к распаду Чехословакии и Югославии и образованию национальных независимых государств, а также выбору новой – по сравнению с временами Варшавского договора и СЭВ ориентации – евроатлантической, что подразумевает смену отнюдь не только внешнеполитических ориентиров. Более того, популизм возник и проявил себя на политической арене еще в начале XX в.

На наш взгляд, участников нашего сегодняшнего исследования объединяют следующие вопросы:

– Что представляет собой правый радикализм как проявление популизма и национализма в постсоциалистическом мире?

– Что вызвало к жизни правый радикализм в начале XXI в. в странах Восточной / Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы? Является ли популизм реакцией на трудности постсоциалистической транзиции в условиях мировых экономических и финансовых кризисов, на кризис современного западного общества, в которое мучительно возвращается большинство стран Восточной Европы на новом этапе процесса национального самоопределения?

¹ Романенко С.А., д-р ист. наук, зав. сектором Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор РГГУ.

– Какое воздействие популизм, радикализм и этнический национализм оказывают на внешнюю политику государства и на ситуацию в регионе?

– Какова роль популизма? Представляет ли он собой угрозу, и если представляет, то угрозу чему?

Для ответа на эти вопросы важно решить следующие исследовательские задачи:

1. Определить суть и соотношение популизма, радикализма и этнического национализма как явлений и как понятий, на основании которых история, политология, социология, этнология, психология исследуют эти явления.

2. Установить время возникновения и этапы развития этих явлений как по отдельности, так и всех вместе как единой системы настроений и взглядов; механизм и степень их взаимоотношения и взаимозависимости.

3. Охарактеризовать этнонациональные, национально-государственные, региональные и субрегиональные отличия популизма, радикализма и этнического национализма в хронологическом, региональном, «левом» и «правом» вариантах.

4. Исследовать западноевропейский и постсоциалистический популизм (регион возникновения и распространения последнего совпадает с регионом Восточной Европы).

5. Проанализировать популизм, радикализм и этнический национализм в национальных (но полиэтничных, т.е. включающих в себя национальные меньшинства) и многонациональных государствах.

Исследовать влияние радикализма, популизма и этнического национализма на внешнюю политику стран Восточной Европы, на отношения новых и старых государств – членов НАТО и ЕС; отношение к расширению НАТО и ЕС; отношение к России.

Для начала представим правый радикализм как систему, состоящую из нескольких элементов, заметив, что в современной науке и политике не существует застывших, всеобъемлющих и всеми принятых определений.

Радикализм, как левый, так и правый, можно охарактеризовать как комплекс идей и методов политической борьбы, направленных на решительное, коренное изменение существующих общественных институтов. Феномен радикализма часто получает распространение в кризисные, переходные исторические периоды, когда возникает угроза существованию, традициям и привычному укладу общества в целом, отдельных социальных слоев и этниче-

ских общностей, а также государств [Брокгауз, Ефрон, 1899, с. 73–75; Политология..., 1993; Философский..., 1999].

Радикализм тесно связан с *популизмом*, который в самом простом варианте можно определить как политику и политическую стратегию, обращенную к широким массам (большинству) населения страны. Популисты обещают быстрое и простое – радикальное – решение сложных проблем современности в рамках «своего» государства и для своей нации-национальности. Популизм не представляет собой стройной политико-идеологической системы, но лишь набор идей и приемов, которые предполагают использование политиком необходимых в данный момент элементов, как левых, так и правых концепций. Правый популизм имеет ряд особенностей, самой яркой из которых является не просто апеллирование к «народу» в противовес «элите», но к автохтонному населению, принадлежащему к одной, составляющей большинство, этнической общности (нации-национальности) в границах одного государства.

Характерная черта популистов всех национальностей и всех направлений – использование упрощенной риторики, которая создает у их последователей примитивную картину мира по принципу «мы – они». «Мы» – свои, хорошие, высоконравственные, законопослушные, честные труженики; «они» – чужие, плохие, безнравственные, коррумпированная элита (или народ, склонный к криминалу). Популизм использует идеи патриотизма и этнического национализма и представляет собой альтернативу традиционным политико-идеологическим системам – консерватизму, либерализму, социал-демократии [Белинский, 2017; Белинский, 2018; Механик, 2019; Стракевич, 2019; Greven, 2016].

Популизм правых партий часто апеллирует к патриотизму и национализму – двум схожим политико-идеологическим принципам и психологическим явлениям – любви к отечеству и любви к своей нации-национальности, готовность подчинить интересам этих общностей свои личные или групповые интересы. В качестве идеологемы патриотизм призван не только обеспечивать права своего отечества, но может и обосновывать территориальные притязания к другим «отечествам», может не только защищать свое, но и отрицать права и само существование других «отечеств». В этом случае патриотизм близок к *национализму*, опирающемуся на этническую трактовку понятия «нация» (общность по крови и языку), распространенную в регионе ЦВ и ЮВЕ. Патриотизм и национализм XIX в. ставили своей целью освобождение всех оте-

честв и всех наций. Патриотизм и национализм нового исторического типа, патриотизм и национализм XX в., распространившиеся в начале XXI в., исходят и исходят из принципа «здорового» национального (этнического) эгоизма и выступают за решение проблем своего отечества и своей нации за счет других отечеств и других наций. Это размежевание между двумя историческими типами национализма явственно происходило в национальных движениях народов Восточной (Центрально-Восточной и Юго-Восточной) Европы и приобрело в них политическую форму [Федерализм..., 2000, с. 380; Ефремова, 2000, с. 178; Ракић, 1975, с. 1–5; Leksikon..., 1998, с. 178–179; Snyder, 1990, p. 321–322].

Зачастую радикальные лозунги и методы их осуществления, все же признающие закон, находятся в опасной близости к *экстремизму* – приверженности крайним взглядам и мерам, выходящим за рамки права и закона. К таким мерам можно отнести провокацию беспорядков и террористические акции. Экстремисты, в том числе и популистского толка, отрицают в принципе какие-либо переговоры, компромиссы, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения, тоталитарный политический режим с подавлением властями оппозиции, преследованием инакомыслия [Политология..., 1993; Философский..., 1999].

Существенным элементом правого радикализма является национал-радикализм – направление в политике и идеологии, отличающееся крайними взглядами и поступками в области межнациональных отношений, национальных интересов, этнотерриториальных проблем. Националистов-популистов, в особенности в среде, получившей исторические травмы, связанные с поражением в войне и распадом многонационального государства, интересует только собственная нация. Они рассматривают нацию как некое органическое целое, гораздо более значимое, чем отдельная личность, любая социальная группа, тем более «чужая» нация или человечество в целом. И требуют безусловного подчинения личности национальным интересам.

В последние два десятилетия в Европе, в значительной мере решившей в рамках европейских и евроатлантических структур этнотерриториальные проблемы, добавились и антимигрантские лозунги, связанные с иммиграцией в Европу беженцев из стран Азии и Африки. Вышесказанное не означает, что в Европе, как Западной, так и Восточной, завершился процесс национального самоопределения и решена проблема национального равенства, проблема национальных

меньшинств. Упомянем внутривнутриполитическую ситуацию в Бельгии, Великобритании, Испании, Франции на Западе, а также проблемы ВЕ / ЦВиЮВЕ, которые затрагивают не только межнациональные, но и межгосударственные отношения и зачастую тесно связаны с двумя мировыми войнами и их последствиями, с историческими травмами – Польша и Украина, Польша и Чехия, Польша и Германия, Венгрия и Словакия, Венгрия и Румыния, Венгрия и Сербия, Сербия и Черногория, Сербия и Косово, Македония и Греция, Греция и Турция.

Популистские политики в странах Восточной Европы после вполне демократических выборов либо оказались у власти, либо получили значительную поддержку населения как в странах, весьма успешно преодолевших переходный период – Польше (партия «Право и справедливость» братьев Леха и Ярослава Качиньских, «Самооборона» Анджея Лепера, Лига польских семей), Словакии (СМЕР Роберта Фицо, партия бывшего премьера Владимира Мечияра ХЗДС – Движение за демократическую Словакию, Словацкая национальная партия), так и в странах, отстающих или задержавшихся на полпути, – Сербии (Сербская радикальная партия), Македонии (ВМРО-ДПМНЕ Николы Груевски. Да и в Белоруссии у власти долгое время популистские настроения успешно использовались А. Лукашенко.

Свидетельством роста правого популизма в обществах пост-югославских государств стали результаты выборов в Сабор Хорватии и Скупшину Сербии. Это является проявлением тех же процессов, которые протекают в странах Восточной Европы, хотя Югославия и ее государства-наследники к региону Восточной Европы никогда себя не относили. На этих выборах третьи места при крайне слабом (не в последнюю очередь, из-за пассивности избирателей) заняли наскоро созданные партии «Победа за Србию» Александра Шапича (3,83%, 11 мест из 231) и «Domovinski pokret» Мирослава Шкорца (10,89%, 18 мест из 151), занимающие более национально окрашенную позицию, чем победившие сербские прогрессисты и Хорватский демократический союз [Избори за народне..., 2020].

В то же время невозможно отрицать наличие элементов популизма и у стремящихся отгородиться от радикализма победивших на выборах в Сербии и Хорватии в 2020 г. – Сербской партии прогрессистов президента Александра Вучича (СПП) вместе с партнерами по коалиции набрала 66,60% голосов и 188 мест в Скупшине, а А. Вучич на президентских выборах 2017 г. 55,06% голосов, Хорватский демократический союз – 37,26% и 66 мест в Саборе. Правда, кандидат ХДС К. Грабар-Китарович на выборах в декабре 2019 –

январе 2020 г. уступила чуть более 5% голосов и президентский пост социал-демократу Горану Милановичу (52,67%). В то же время в первом туре популист-националист М. Шкоро набрал 24,5% голосов, парадоксальным образом отобрав голоса, которые могли бы обеспечить Грабар-Китарович победу в первом туре [Избори за председника..., 2017; Präsidentschaftswahl..., 2020].

Все вышесказанное свидетельствует о том, что рост правого радикализма и укрепление его позиций в политике и общественном сознании в сочетании с правым популизмом и этнонационализмом в постсоциалистических странах представляют собой угрозу как для внутривнутриполитической, так и региональной стабильности. В особенности это касается пост-югославского пространства, общественное и этнонациональное сознание народов которого не преодолело исторические травмы не только войны 1991–1995 гг., но и двух мировых войн, а также 40 лет социалистического развития.

В то же время связанный с правым радикализмом популизм по своей структуре и направленности мало чем отличается от правого радикализма и популизма в странах Западной Европы. Их очередное усиление, как известно, связано с трудностями современного развития – экономическими кризисами, подъемом иммиграционной волны, неравенством в социальных и национальных отношениях в сочетании с еще далеко не закончившимся процессом транзитуции.

Список литературы

- Белинский А.В. Правый популизм и кризис старого миропорядка // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – М., 2017. – № 51(67). – С. 8–11.
- Белинский А.В. Правый популизм как вызов для системы евро-атлантической безопасности // Проблемы европейской безопасности. – М., 2018. – Вып. 3. – С. 235–254.
- Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб., 1899. – Т. 26. – 480 с.
- Ефремова Т.Ф. Толковый словарь. – М., 2000. – 2354 с.
- Механик А. Иное всё-таки дано, или Феномен левого популизма в Европе // Аврора. – 2019. – 19.05. – Режим доступа: <https://aurora.network/articles/10-vlast-i-obshhestvo/67757-inoe-vse-taki-dano-ili-fenomen-levogo-populizma-v-evrope> (дата обращения: 23.10.2020).
- Политология : Энциклопедический словарь. – М., 1993. – 431 с.

- Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством» : Советско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века – 1991 год). – М., 2011. – 1024 с.
- Стракевич А.А. «Старые» и «новые» правые популисты в Западной Европе (на примере «Альтернативы для Германии» и «Австрийской Партии Свободы») // Россия и современный мир. – 2019. – N 2. – С. 126–140.
- Федерализм : Энциклопедия. – М., 2000. – 630 с.
- Философский энциклопедический словарь. – М., 1999. – 575 с.
- Избори за народне посланике Србије 2020. – Режим доступа: https://sr.wikipedia.org/wiki/Избори_за_народне_посланике_Србије_2020. (дата обращения – 24.10.2020).
- Избори за председника Србије 2017. – Режим доступа: https://sr.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B7%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B8_%D0%B7%D0%B0_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0_%D0%A1%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%98%D0%B5_2017. (дата обращения – 28.10.2020).
- Ракић Ј. Радикална странка у Војводини до почетка XX века. – Нови Сад, 1975. – 303 с.
- Greven Th. The Rise of Right-wing Populism in Europe and the United States (May 2016). – Mode of access: https://www.fesdc.org/fileadmin/user_upload/publications/RightwingPopulism.pdf (date of access – 23.10.2020).
- Konačni rezultati izbora – liste koje su dibile najmanje 5% glasova birača. – Mode of access: <https://www.izbori.hr/sabor2020/rezultati/1/data/mrezultati.html> (дата обращения: 24.10.2020).
- Leksikon migracijskog i etničkog nazivlja. Glavni urednik Emil Hersak. – Zagreb, 1998. – 380 с.
- Präsidentchaftswahl in Kroatien 2019/20. – Mode of access: https://de.wikipedia.org/wiki/Pr%C3%A4sidentschaftswahl_in_Kroatien_2019/20 (date of access: 28.10.2020).
- Snyder L. Encyclopedia of Nationalism. – New York, 1990. – 445 p.